

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 15 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
Почетный работник юстиции России;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Расказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию
статей не взимается.

Скрытые аспекты власти и права

- Исаев И.А.* Государственный интерес
и государственная тайна..... 3
- Машковцев А.А.* Изменения конфессионального
законодательства в отношении баптистов и евангельских
христиан в годы Первой русской революции..... 8
- Пастухов Р.О.* Право убежища в эпоху становления
социалистического государства 13
- Зимин И.А.* Готовил ли Сталин депортацию
советских евреев в 1953 году?..... 15
- Иванников И.А.* Начало и конец революции
(В.И. Ленин и М.С. Горбачев)..... 18

Предупреждение преступности: опыт истории

- Ищук Я.Г.* Условное осуждение: вчера, сегодня, завтра..... 21
- Решетников А.Ю.* Основные идеи учения
о покушении на преступление в исследовании
Г.Е. Колоколова 26
- Поскачина М.Н.* Право как интенциональный объект
и способ его познания в методологии
юридической науки 31
- Жуманиязов Д.К.* Политика и судебная система
в Амударьинской области в 1920–1924 гг. 36
- Сквозников А.Н.* Обстоятельства, исключающие
преступность деяния, в источниках
русского права X–XVIII вв. 39
- Шкаревский Д.Н.* Уголовно-правовая кампания
по борьбе с хищениями на транспорте
в начале 1930-х гг. 44

Методы правопознания и юридическая наука

- Петров А.В., Астахов Д.С.* Юридический позитивизм
в научных концепциях К. Бергбома
и Г.Ф. Шершеневича..... 48
- Попугаев Ю.И.* Система права и система
законодательства: понятие, структура, соотношение 53
- Кучнев А.В.* Историография развития сущности
и содержания правосознания в отечественной науке..... 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 12.07.2017.
Номер вышел в свет 17.08.2017.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 15 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Latent aspects of power and law

- Isaev I.A.* State Interest and State Secret 3
Mashkovtsev A.A. Amendments of Confessional
Legislation in Relation to Baptists and Evangelical
Christians in the Years of the First Russian Revolution 8
Pastukhov R.O. Right of Asylum at a Socialist State
Establishment 13
Zimin I.A. Did Stalin Plotted Deportation
of Soviet Jews in 1953? 15
Ivannikov I.A. Beginning and End of the Revolution
(V.I. Lenin and M.S. Gorbachev) 18

Crime prevention: historical experience

- Ischuk Ya.G.* Suspended Sentence:
Yesterday, Today, Tomorrow 21
Reshetnikov A.Yu. Main Ideas of Attempted Crime
Doctrine in Research of G.E. Kolokolov 26
Poskachina M.N. Law as Intentional Object and Method
of Its Study in Legal Science Methodology 31
Zhumaniyazov D.K. Politics and Judicial System
in Amu Darya Region in 1920–1924 36
Skvoznikov A.N. Crime Excluding Circumstances
in Russian Law Sources in the X–XVIIIth Centuries 39
Shkarevsky D.N. Criminal Law Campaign against
Transport Embezzlements in the Early 1930s 44

Law study methods and legal science

- Petrov A.V., Astashov D.S.* Legal Positivism
in Scientific Concepts of K. Bergbom
and G.F. Shershenevich 48
Popugaev Yu.I. Law System and Legislative System:
Notion, Structure, Correlation 53
Kuchenev A.V. Historiography of Legal Consciousness
Essence and Content Development in National Science 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 12.07.2017.
Issue was published 17.08.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Государственный интерес и государственная тайна

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье исследуются малоизученные аспекты правовой реальности, скрытые от поверхностного взгляда. Государственный интерес и государственная тайна как правовые институты возникают еще в XVI–XVII веках. Эти формы были свойственны различным политическим режимам, от демократического до авторитарного. Правовыми последствиями их развития становились появление и формирование корпоративного права и вторжение публично-правовых элементов в сферу частной жизни. Элементы тайны в конце XVIII века вытесняются из сферы политики новым фактором — общественным мнением, создававшим видимость прозрачности политической жизни. Вместе с тем государственное манипулирование мнением стало важным инструментом новой политической реальности.

Ключевые слова: право, тайна, закон, легитимность, авторитет, законность, общественное мнение, государственный интерес, насилие, репрессия, публичность, нация, либерализм, революция.

State Interest and State Secret

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article reviews the understudied aspects of legal reality concealed from superficial glance. State interest and state secret as legal institutes emerged as long ago as the XVI–XVIIIth centuries. Such forms were characteristic of various political regimes, from democratic to authoritarian. Their development brought about such legal consequences as appearance and establishment of corporate law and penetration of public law elements in private life. In the late XVIIIth century the elements of secret are forced out of the political sphere by a new factor — public opinion, which created an illusion of public life transparency. At the same time, state manipulation of opinion became an important instrument of the new political reality.

Key words: law, secret, act, legitimacy, authority, legality, public opinion, state interest, violence, repression, publicity, nation, liberalism, revolution.

Эрнст Юнгер говорил уже в 1932 г., что многие признаки свидетельствуют о том, что мы стоим на пороге эпохи, «в которую вновь можно вести речь о действительном государстве, о порядке и подчинении, о приказе и послушании». Свобода, которая может быть создана по принципам национализма и социализма, не субстанциональна по природе, она лишь предпосылка, но не цель.

Авторитарность порождалась самим характером и структурой образований, принимавших формы «орденов» или тайных обществ. Философия органицизма не могла не породить настоящий культ «организованности» (О. Шпенглер называл даже церковь «орденом орден»). В области политики и права эта тенденция приводила к появлению как особого корпоративного права, так и к

предельному развитию института юридического лица.

Отто фон Гирке (также как чуть позднее Отмар Шпанн) считал, что благодаря «органу проявляется невидимая союзная личность, как хотящее и действующее единство». Юридическое лицо не есть некое «существо, нуждающееся в законном представителе, но самостоятельно выступающий во внешний мир субъект». В своих внутренних духовных процессах оно регулируется правовым образом, «здесь право занимается волевым процессом во всех его стадиях, начиная с первого побуждения, столкновения мотивов, взвешиванием побудительных причин, осуществлением окончательного решения и превращением его в действие. Всякое соглашение становится здесь образованием единой общей воли,

борьба мнений превращается в волевое единство целого. Социальный организм преодолевает подобный кризис „победой силы над существующим правом“», — в этом обнаруживается его реальное, которое не создается, но только регулируется правом¹.

Методы внутренней политики теперь переносятся и на внешнюю политику; это новая тенденция ориентирования на господствующие мировоззрения и мнения, вместо того чтобы следовать «государственному интересу». Им, конечно же, еще не достает имморализма, тщательного разделения цели и средств. Но то, что является «мнением», уже не вызывает особых опасений, хотя его подчеркнутая «революционность» и тяга к радикальным переменам сужали свободу действительных реформ и изменений. Зато и всякая попытка ограничить сферу государства моральной сферой также терпит неудачу, поскольку государство уже не относится к моральным величинам: в результате «исполнительная власть сохраняет свой постоянный объем, меняются лишь власти и субъекты, которые заявляют на нее свои претензии»². Из этого бессилия земных властей, не способных однозначно определить и оценить заблуждения, и родился принцип свободной дискуссии, этой основы современных конституций, принцип, который основывался на предположении о том, что «нет непогрешимых правительств и что есть только непогрешимость дискуссии»: истина и заблуждения как таковые этот принцип не заботят (Д. Кортес).

Испорченную грехом природу человека следует сдерживать, как полагал Ж. де Местр, с помощью властной «технологии равновесия». Но история есть прежде всего продолжение антропологии, поэтому уже по своей сути характеризуется постоянным отклонением от «нормы» и «неуравновешенностью», становится как бы «провидением»: чтобы совершать достойные поступки, человеку потребны не проблемы, но верования и догматы. Поэтому нет ничего важнее, чем предрассудки и мнения, принимаемые до всякого рационального и целеполагающего рассмотрения: без них не бывает ни культа, ни нравственности, ни правительства (Ж. де Местр).

«Демократия» не является достаточным выразительным определением для некое-

го общезначимого содержания порядка властвования; по своей сути она может быть милитаристской или пацифистской, прогрессивной или реакционной, абсолютистской или либеральной, централистской или децентрализующей: «...к ее сущности относится, пожалуй, лишь то, что все принимаемые решения должны быть значимы только для самого решающего» (К. Шмитт). Поэтому отождествление закона и народной воли позволяет лишь только идентифицировать с этой волей либо большинство, либо меньшинство, но не весь «народ» и не делает закон общезначимым. Здесь все желаемые тождества (правлящих и управляемых, господина и подданного, государства и закона) воспринимаются как реальности, становясь при этом не действительностью, а только вменением³.

Нарождающаяся демократическая система не привела нацию к ясной и конечной или идеальной политической форме, которая могла бы обеспечить ей прочное и благополучное существование, и не создала твердого политического равновесия. Она более чем какая-либо другая форма возбуждала только непрерывный дух искания. Она приводила на распутье и вместо того, чтобы быть окончательным решением задачи, сама становилась задачей. Оказалось, что демократия — не особая форма правления, а форма государства, при которой «верховная власть принадлежит народу, а формы правления могут быть самыми разными». В ней имеет место даже не правление какого-то одного класса, а всей массы народа в совокупности.

Правовые нормы в этой системе рождаются из «наблюдения за меняющимися, противоречивыми, не имеющими четких границ, предрасположенностей, привычек, нравов и мнений». Право есть человеческое искусственное создание, только лишь новое систематическое упорядочение условий, заданных природой человека и его общественными инстинктами (Х.С. Чемберлен). (Г. Кельзен называл демократию «системой политического релятивизма», которая принципиально не признает в жизни никакого абсолютно порядка и никаких абсолютных верований и воззрений, все политические мнения и направления для нее одинаково относительны.)

Ко второй половине XIX века государство и общество уже составляли как бы единое целое, и государство с точки зрения нормативиз-

¹ Гирке О. Сущность человеческих союзов // Социология / В. Зомбарт. М., 2003. С. 91–92.

² Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. М., 2000. С. 351–372.

³ Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Политическая теология. М., 2000. С. 172–173.

ма стало только одним из аспектов общества: в Реставрации соединились «добрая воля» и «общая воля», божественное право и верховенство народа, самодержавие и конституционализм. Появилась и новая политическая сила — организованное общественное мнение, получившая преобладание уже не в результате революции, а путем постепенного и незаметного просачивания в сознание. Новый режим по существу стал возвратом к «старому порядку», «ставшему старым как раз с тех пор, когда утратила свое значение духовной силы та религия, которая долгое время сообщала ему метафизическое обоснование и моральное оправдание, и когда его верховным принципом сделался государственный интерес»⁴. Интерес, впитавший эти трансформированные ценности, создал новое, еще более модернизированное либеральное общество.

Сама теория «государственного интереса» появилась еще в эпоху абсолютизма, одновременно с практикой государственных тайн («арканов») в XVI–XVII вв. Родоначальником теории считался Макиавелли, который рассматривал государство и политику исключительно как технику власти, однако в новых исторических условиях из дискуссий о противоположности права и власти постепенно вырастали два новых догматических построения: публичность и равновесие властей.

Руссо противопоставлял идее прогресса проект «совершенствования» человека. Но неограниченная способность к совершенствованию может повлечь неожиданные и неблагоприятные последствия («добро и зло проистекают из одного источника»). Большинство последствий приходит столь необычным путем и зависит от столь неразличимых и удаленных причин, что предвидеть их невозможно (Монтескье): даже правосудие не зависит от человеческих законов, но предшествует и возвышается над ними.

Представление о том, что «тайна вообще присуща политике», прежде столь жизненно необходимое абсолютизму, при новом порядке сменилось другим, — сама публичность теперь приобретает абсолютную и неоспоримую ценность, «свет публичности — это свет Просвещения, хотя и в предшествующей ему системе просвещенного абсолютизма общественное мнение в определенных пределах уже играло роль важного корректива. Ведь власть деспотов могла становиться тем боль-

шей, чем больше распространялось в обществе просвещение, и в этом глубоко был уверен еще Кондорсе»⁵.

В современном понятии «диктатура» отсутствовало законное начало, предписывающее выполнение определенного поручения (столь необходимое для римской диктатуры) и указывающее сроки окончания возложенной верховной властью на диктатора ответственности: «...в качестве заказчиков теперь фигурируют неопределенные величины — „народ“, „класс“, „провидение“, вождь теперь сам решает, на какое время они призвали его для выполнения своей особой задачи». Тем самым отвергается и идеал «диктаториальной» демократии, который вплоть до самого XVIII века все еще сохранял известный «привкус охлократии» древнегреческого происхождения, и «который как бы вновь обратился к нему»⁶.

«Великая опасность настоящего времени состоит в том, что мы почти не имеем больше общих верований» (Густав Лебон): само же общественное мнение знает либо крайнее чувство, либо глубокое равнодушие, непрерывно подвергаясь колебаниям под воздействием внешних обстоятельств: «Цивилизации всегда покоились на небольшом числе верований, чрезвычайно медленно образующихся и очень медленно исчезающих». Будучи связанным с предшествующими мнениями, новое верование всегда стремится вписаться в новую среду и выработать новые догматы, хотя и связанные с прежними верованиями, но согласованные с современными понятиями⁷. При достаточно частом и продолжительном повторении даже заблуждение может стать для массы непреложной истиной и приобретает могущество религиозного догмата.

Тайна исключала общественное мнение, не давая ему пищи. Карл Шмитт писал: «...гуманно-гуманитарные философы XVIII века проповедовали просвещенный деспотизм и диктатуру разума. Они были преисполненными самосознания аристократии. На том, что они репрезентируют идею гуманности, они основывали свой авторитет и свои тайные общества, строго эзотерические связи. Негуманное превосходство над средним человеком и всеобщей массовой демократией было заключено в этой эзотерике». В обществе же, где утрачиваются тайна и иерархия, не может быть

⁵ Шмитт К. Указ. соч. С. 189–191.

⁶ Хейзинга И. Тени закатного дня. СПб., 2010. С. 267–268.

⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 111–116.

⁴ Бицилли П.М. Две эпохи крушения старого порядка // Избранное. Т. 1. София, 1993. С. 226, 230.

и большой политики, поскольку она всегда предполагает тайну⁸. Рене Генон полагал, что любая тайна, кроме инициатической, всегда носит условный характер и становится таковой лишь в силу более или менее явного соглашения, а не по самой природе вещей. Что касается инициатической тайны, она состоит в «невывразимом» и является «невывказанной», она может использовать только образы и символы, которые скорее намекают на нее, чем раскрывают. В этом заключается эзотеризм всех тайных обществ, скрывающих свою истинную власть и влияние.

Абсолютистское государство заботилось прежде всего о сохранении «общественного спокойствия, безопасности и порядка». Его требования к индивиду носили внешний характер, его особенно не заботили вопросы нравственности (этим занималась церковь) и личного мнения. «Но если публичная власть действительно хотела оставаться только публичной», а вопросы веры уходят в частную сферу, «тогда «душа народа» отправляется в «таинственный путь», ведущий во внутреннем направлении. Растет противодействие, выражающееся в молчании и тишине». Но это уже выражение общественного мнения, т. е. реальной политической силы. Но тот, кто вообще допускает противоположность внутреннего и внешнего, тем самым признает превосходство внутреннего над внешним, невидимого над видимым, негласного над гласным, потустороннего над посторонним.

Такая позиция объединяет в XVIII веке самые разные политические силы. Тайное противостояло здесь публичному. По мере того, как абсолютное государство оказывалось связанным законом и из властного, полицейского превращалось в правовое, менялся и характер закона, который превращался в техническое средство оценивания, а само государство — в позитивистскую систему законности. «Последствия Французской революции лишили легитимную монархию божественного права всякой политической силы. Она становится институтом исторического права», а законность — «позитивным способом функционирования бюрократии»⁹. Легитимность превращается в легальность, а божественное и «естественное право» — в позитивный государственный закон.

Наиболее значимые события всегда происходят в некоем «подземном измерении, в глубине, где действуют силы и влияния, которые нередко имеют иную, чем просто человеческую — индивидуальную или коллективную — природу, и воздействие которых часто носит решающий характер. Поэтому можно говорить о борьбе сил космоса против сил хаоса, где первым соответствует все, связанное с формой, порядком, законом, духовной иерархией, традицией, а вторым — все влияния, ведущие к раздробленности, разрушению, упадку и торжеству низшего над высшим, материи над духом, количества над качеством: «таковы конечные цели сил, действующих за кулисами истории»¹⁰.

В юридической метафизике всего только один шаг, отделяющий законодателя от автономного закона. На этом же пути вырастает и государственная идея, в которой государство — замкнутая и самодостаточная форма общественной жизни нации. Такое чисто юридическое понятие государства уже содержалось в «Естественном праве» Фихте и исчезало в его «Учении о государстве». Из недр и тайны духовной жизни стали развиваться секуляризованное общественное мнение и прагматичная общественная нравственность: «До тех же пор политические нужды удовлетворялись путем чисто теоретических манипуляций с такими понятиями, как „республика“, „демократия“, „аристократия“, „монархия“ или в мечтах об идеальном государстве и всемирной республике», «видением, сформировавшимся под влиянием расширившего свою сферу масонства», но теперь от «общественного мнения стало зависеть поведение самого государства» (Новалис)¹¹. Масоны и иезуиты окружали себя секретностью и поддерживали солидарность, базирующуюся на обетах и клятвах. Общество же, которое резонно опасалось их «темных и слишком уж твердо осуществляемых замыслов», пыталось бороться с ними, но, как правило, безуспешно. «В конце концов с ними смиряются как с неизбежным злом», сами же эти «секты» как бы приручены и думают не столько о завоеваниях, сколько о сохранении завоеванного. Теперь они сами служат опорой порядка, который хотели реформировать. Устанавливается равновесие, а то и согласие¹². (Французы и немцы непосредственно связывали проблему Про-

⁸ Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Политическая теология. М., 2000. С. 147–148.

⁹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М., 2006. С. 200–201, 207–208.

¹⁰ Эвола Ю. Люди и руины. М., 2002. С. 191.

¹¹ Крик Э. Преодоление идеализма. М., 2004. С. 87.

¹² Кайуа Р. Дух сект // Игры и люди. М., 2007. С. 276.

свещения с вопросом о собственной национальной идентификации, отмечая ее давнее родство с Реформацией. «Республика ученых», сформировавшаяся еще в эпоху Возрождения, способствовала развитию этой идеи, пропагандируя ее через посредство новых корпоративных образований академического и масонского типа.)

Масонство противопоставило принципам действующего порядка и власти свои абстрактные и общие идеи моральности и свободы совести. Предлагая новую систему этических ценностей, масонство тем самым подрывало основы абсолютистского режима. Конкретный «государственный интерес», бывший душевной основой этого режима, стал измеряться по шкале отвлеченной морали, порождавшей феномен и фикции нового политического сознания. Принцип моральности политики стал представляться более действенным, чем даже идея политического равенства (к которому само масонство вовсе не стремилось): «По видимости не затрагивая государство,.. в потаенных глубинах этого государства, в масонских ложах,.. под покровом тайны осуществлялась гражданская свобода. Тайна свободы становилась тайной власти» (Р. Козелек)¹³.

«Помимо правомерного, законного союза нации с признанным всем светом правом, тайно в силу фактических отношений нация вступает в незаконный союз с другим новым правом — еще боящимся дневного света, правом, которое в этом союзе с нацией создает еще незаконную мораль; эта последняя, родившись и выросши, насильно уничтожает старое право», уже потерявшее свою силу и государственный интерес, вслед за чем происходит легитимация новой морали (Л. Гумплович)¹⁴. Критика политической власти и наукообразная абстрактность предлагаемых решений вскоре оказались в серьезном противоречии с зарождающейся национальной идеей: космополитизм Просвещения стал представляться главным препятствием на ее пути. Реформаторская политика просвещенного абсолютизма несколько смягчала проблему, но не снимала ее вовсе. Проводимая им политика образования и воспитания народа только подпитывала зарождающиеся националистические тенденции в обществе: вместо того чтобы вести народ к

идеалам общечеловеческих прав и «единой Европы», Французская революция вовсе преврала космополитические и универсалистские начинания и поиски эпохи Просвещения.

«Либерализм — это свобода не иметь никаких убеждений» (А.М. Ван ден Брук), такая свобода — это свобода действий и интриг, в которых нуждаются члены определенных групп, свобода парламентских действий, подтвержденная конституцией, что и обеспечивает их могущество. Попытки придать течению законченно рационалистический характер, подменить властную логику утилитаризмом и скепсисом уводили в область отвлеченных умозрений: понятие оправдало интерпретацию, а толкование — само понятие.

Практическое же тяготение масонства к власти стимулировало создание в пространстве его влияния квазигосударственных институтов¹⁵, а его, по сути, утопическое мирозерцание порождало идею совершенной «духовной науки». Выражая самые возвышенные идеалы эпохи Просвещения, масонство попыталось на практике реализовать его некоторые самые абстрактные идеи, такие как «свобода», «равенство» и «независимость», которые в его интерпретации вполне могли бы восприниматься и как универсальные, и как национальные ценности.

Роже Кайуа вспоминал: «...те темные силы, что мы мечтали привести в действие, освободились сами по себе, с иными последствиями, чем ожидаемые нами». Под этими силами понималось сакральное, которое не приходит на землю из мистического мира, а вырабатывается социальными практиками, хотя и мыслится как иное по отношению к обычным силам, действующим в обществе. С помощью действенных мифов эти силы должны были преобразовать действительность.

Склонность к тайной власти и желание упорядочить мир на основании более прочных законов представляется чем-то извечным (Р. Кайуа напоминает о развитии этой идеи об обществе «могучих и таинственных, утонченно-неумолимых» заговорщиков, осуществляющих свое влияние на государственные аппараты крупных государств, в произведениях Бальзака и Бодлера.) Заговорщики жаждут такого законодательства, которое не останавливается перед требованием безус-

¹³ Цит. по: Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 180.

¹⁴ Гумплович Л. Основы социологии. М., 2010. С. 312.

¹⁵ Джейкоб М. Масонство // Мир Просвещения. М., 2003. С. 282–283.

ловной верности, но зато судит им «полное упоение абсолютным торжеством»¹⁶.

Жозеф де Местр утверждал: «...зло стремится к разделению, благо — к единству». Победа принципа зла выражается в том, что «все отрицается, все колеблется и протестует против всего». В революции он увидел приговор провидения, а все неожиданные катастрофы, головокружительные повороты, войны и террор считал самой настоящей ма-

гией. Лафатер уже в самом начале Французской революции предрекал: «...мистерия беззакония уже начинает действовать видимым образом. У меня есть особые причины полагать, что в недалеком будущем совершатся чудовищные преступления, и страшный владыка тьмы станет править железной рукой»¹⁷. Тайна беззакония тогда еще только начала вскрываться, а пророчества современников оказались неполными.

¹⁶ Кайуа Р. Указ. соч. С. 257–258.

¹⁷ Цит. по: Виат О. Граф Жозеф де Местр // Санкт-Петербургские вечера / Ж. Местр. СПб. 1998. С. 643.

Литература

1. Бицилли П.М. Две эпохи крушения старого порядка / П.М. Бицилли // Избранное. Т. 1. София, 1993. С. 223.
2. Виат О. Граф Жозеф де Местр / О. Виат // Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 1998. 732 с.
3. Гирке О. Сущность человеческих союзов / О. Гирке // Зомбарт В. Социология. М., 2003. 144 с.
4. Гумплович А. Основы социологии / А. Гумплович. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 368 с.
5. Джейкоб М. Массонство / М. Джейкоб // Мир Просвещения. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 274–285.
6. Кайуа Р. Дух сект / Р. Кайуа // Игры и люди. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2007. 304 с.
7. Крик Э. Преодоление идеализма / Э. Крик. М.: Белые альвы, 2004. 432 с.
8. Хейзинга И. Тени завтрашнего дня / И. Хейзинга. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
9. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье. М.: Искусство, 2001. 224 с.
10. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмитт. СПб.: «Владимир Даль», 2006. 300 с.
11. Эвола Ю. Люди и руины / Ю. Эвола. М.: Русское Стрелковое Общество, 2002. 286 с.
12. Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт / Э. Юнгер. СПб.: Издательство «Наука», 2000. 539 с.

Изменения конфессионального законодательства в отношении баптистов и евангельских христиан в годы Первой русской революции

*Машковцев Андрей Анатольевич,
профессор кафедры отечественной истории
Вятского государственного университета,
доктор исторических наук, доцент
wikma116@rambler.ru*

В статье рассмотрены изменения в конфессиональной политике российского правительства в отношении баптистов и евангельских христиан, произошедшие в период революции 1905–1907 гг. Автор проанализировал несколько важных нормативно-правовых актов, в частности указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», а также указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». В результате их принятия была отменена правовая ответственность за выход из православия и легализован переход в иные конфессии. Кроме того, был упрощен порядок регистрации баптистских общин. Все это способствовало стремительному увеличению численности российских баптистов и евангельских христиан в период Думской монархии. В основу исследования положены нормативно-правовые акты и неопубликованные источники, извлеченные из архивных фондов и впервые введенные автором в научный оборот.

Ключевые слова: баптизм, Первая русская революция, конфессиональная политика, Министерство внутренних дел, Русская православная церковь, свобода совести.

Amendments of Confessional Legislation in Relation to Baptists and Evangelical Christians in the Years of the First Russian Revolution

*Mashkovtsev Andrey A.,
Professor of the Department of Russian History
of the Vyatka State University,
Doctor of History, Assistant Professor*

The article examines changes in the confessional policy of the Russian government towards Baptists and Evangelical Christians that occurred during the revolution of 1905–1907. The author analyzed several important legal acts, in particular, the decree of April 17, 1905 “On strengthening the beginning of religious tolerance”, as well as the decree of October 17, 1906 “On the order of education and the activities of the Old Believer and sectarian communities”. As a result of their adoption, the legal responsibility for secession from Orthodoxy was abolished and the transition to other confessions was legalized. In addition, the registration of Baptist communities was simplified. All this contributed to a rapid increase in the number of Russian Baptists and Evangelical Christians during the Duma monarchy. The research is based on normative legal acts and unpublished sources extracted from archival collections and first introduced by the author into scientific circulation.

Key words: *Baptism, the First Russian Revolution, confessional politics, the Ministry of Internal Affairs, the Russian Orthodox Church, freedom of conscience.*

Во второй половине XIX в. в России начинается распространение такого протестантского течения, как баптизм. Его появление было негативно встречено как православным духовенством, так и светскими властями, стоявшими на страже интересов официальной церкви. Это связано с тем, что баптисты пополняли свои ряды за счет бывших православных верующих, активно занимаясь прозелитизмом. Кроме того, баптисты критиковали имперское руководство за поддержку Русской православной церкви и ограничение свободы совести. В результате вплоть до революции 1905–1907 гг. российские баптисты подвергались гонениям и различным дискриминационным ограничениям. Однако события Первой русской революции вынудили самодержавие серьезно скорректировать конфессиональный курс, что положительно сказалось на правовом статусе баптистов и евангельских христиан.

12 декабря 1904 г. вышел указ императора Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», декларирующий необходимость изменения вероисповедной политики в сторону ее либерализации¹. В данном нормативно-правовом акте подчеркивалось желание властей отменить различные дискриминационные ограничения в отношении религиозных меньшинств империи (за исключением так называемых изуверских сект) и в дальней-

шем строить взаимоотношения с ними на основе принципа веротерпимости².

Данный указ нашел живой отклик у представителей тех конфессиональных организаций, которые на себе испытали всю жесткость прежней религиозной политики властей. В числе них были российские баптисты и евангельские христиане. 8 января 1905 г. лидер евангельских христиан И. С. Проханов представил в МВД документ под названием «Краткая записка о возникновении, развитии и о настоящем положении евангельского движения в России и о нуждах евангельских христиан». Его составителями являлись И.П. Кушнеров, В.И. Долгополов и В.Н. Иванов³. В записке приводились многочисленные факты административного и судебного произвола в отношении представителей данной конфессии (аресты, штрафы, разгон молитвенных собраний и пр.). При этом авторы документа выражали надежду на то, что после издания указа 12 декабря 1904 г. дискриминационная политика в отношении евангельских христиан будет прекращена и им, а также другим российским протестантам будет дарована долгожданная свобода совести.

Резкое обострение общественно-политической ситуации в стране после начала революции 1905–1907 гг. заставило власть проводить более гибкую конфессиональную политику и прислушаться к многочисленным обращениям протестантов, католиков, мусульман и др., поступавшим в этот период

¹ Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция. М., 2010. С. 59.

² ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV. № 25495. С. 1196–1198.

³ Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917 гг.). СПб., 1999. С. 249.

в Комитет министров. 17 апреля 1905 г. вышел знаменитый указ «Об укреплении начал веротерпимости», юридически закрепивший смену курса в отношении религиозных меньшинств⁴. Поскольку данный документ касался всех религиозных организаций Российской империи, мы рассмотрим лишь те его положения, которые затрагивали интересы баптистов и евангельских христиан.

Огромное значение для адептов евангельского движения в России имела ст. 1 указа, отменявшая уголовную ответственность за переход из православия в иное христианское исповедание. Статья 8 разрешала сектантам (в данном случае — баптистам и евангельским христианам) строить культовые сооружения на тех же основаниях, что и другим инославным христианам. Статья 9 касалась статуса духовных лиц, избираемых общинами старообрядцев и сектантов. Закон разрешал использовать для их обозначения термины «настоятель» и «наставник», а также предоставлял им ряд льгот (например, освобождение от призыва на действительную военную службу). Статья 11 уравнивала баптистов и евангельских христиан с представителями других инославных конфессий (в частности, католиками и лютеранами) в деле заключения ими браков с православными верующими. Наконец, ст. 12 разрешала сектантам вновь открывать молитвенные дома, ранее закрытые распоряжениями местных административных властей⁵.

Указ 17 апреля 1905 г. был позитивно встречен либеральной общественностью и самими религиозными меньшинствами, однако большинство представителей официальной церкви сразу же увидели в нем серьезную угрозу православию. Так, полтавский епископ Иоанн заявил, что данный документ даровал «полную самостоятельность для всех общин инославных и иноверцев, предоставив им устраивать свою внутреннюю жизнь с наибольшим для себя удобством. Православная церковь в сем отношении теперь находится в менее благоприятных условиях, так как она лишена... покровительства от государства и в то же время не получила от него для себя полной свободы»⁶.

Свое негативное отношение к идее свободы совести и равноправия всех конфессий православные архиереи объясняли осо-

бой ролью Русской православной церкви в политической и духовной жизни страны. По их мнению, свобода совести утвердилась в США и Западной Европе по причине произошедшей там секуляризации общественного сознания, в то время как русское общество не готово к этому в силу своего традиционализма и высокого уровня религиозности⁷.

Наконец, по мнению православного духовенства, указ 17 апреля 1905 г. открывал огромные возможности сектантам для пропаганды своих взглядов, поскольку он не только устранил правовую ответственность за выход из православия, но и значительно упрощал деятельность неправославных конфессий, в том числе и баптистов.

Несмотря на негативную реакцию православного клира на указ «Об укреплении начал веротерпимости» власти продолжили курс на либерализацию религиозного законодательства. В течение 1905 г. Министерством внутренних дел были издано несколько циркуляров, адресованных местным органам управления, в которых были конкретизированы некоторые положения указа 17 апреля 1905 г. Так, 15 мая 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин подписал циркуляр, разъяснявший ряд положения указа (к примеру, о порядке проведения старообрядцами и сектантами общественных богослужений). «В исполнение приведенной ст. 6 Указа подведомственные вам полицейские чины не должны принимать впредь в отношении лиц, принадлежащих к упомянутому выше двум группам (старообрядцы и сектанты. — *А.М.*) никаких мер, стесняющих свободное отправление ими общественных богослужений, доколе эти последние не заключат в себе нарушения действующих и поныне постановлений, определяющих недозволенное публичное оказательство раскола», — отмечалось в циркуляре⁸.

В циркуляре МВД от 18 августа 1905 г. регламентировался порядок перехода из православия в другое исповедание. В своеобразной преамбуле к основной части циркуляра был заявлен достаточно либеральный подход к смене веры: «Относительно отпадения от православия надлежит принять во внимание, что указ 17 апреля 1905 г., уничтожая за этот поступок наказание, а равно и действу-

⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. XXV. № 26125.

⁵ ПСЗ. Собр. 3. Т. XXV. № 26125. С. 257–258.

⁶ Цит. по: Сафонов А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 136.

⁷ Голос архипастырей Церкви о свободе вероисповеданий // За первый год вероисповедной свободы в России: Бесплатное приложение к журналу «Миссионерское обозрение» за 1906 г. СПб., 1907. С. 135–136.

⁸ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 102. Л. 7.

ющие до сего времени гражданские последствия, тем самым предоставляет каждому свободное избрание веры. Отсюда, установление какого-либо особого разрешения для перехода из православия в какую-либо иную веру противоречило бы духу указа. Таким образом, дело сводится к установлению лишь известной регистрации переходов из православия в другие исповедания»⁹.

Циркуляр 18 августа 1905 г. устанавливал уведомительный порядок смены веры. Согласно п. 1 циркуляра лица, желавшие перейти из православия в одно из инославных христианских исповеданий, должны были подать соответствующее заявление либо непосредственно местному губернатору, либо уездным административно-полицейским органам, которые передавали ходатайство руководству губернии. Губернатор после получения заявления незамедлительно информировал о нем руководство местной православной епархии, а затем, не позднее 1 месяца с момента получения ходатайства, направлял его на усмотрение местного инославного духовенства¹⁰.

Некоторые исследователи, в частности П.Н. Зырянов, считали такой порядок явной уступкой православному духовенству, стремившемуся удержать прихожан от перехода в иную веру. По мнению П.Н. Зырянова, обязательное информирование православного клира о предполагаемом переходе и установление месячного интервала для оформления смены веры было введено для того, чтобы «дать возможность уведомления отпадающего со стороны православного духовенства»¹¹. С подобным выводом можно согласиться, однако названная мера не дала почти никаких результатов. Верующие решались на выход из православия и присоединение к иной конфессиональной группе, как правило, уже имея устойчивые религиозные убеждения, поэтому православному духовенству редко кого удавалось переубедить за месячный срок.

Важное значение для развития евангельского движения в России имел указ Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». В данном нор-

мативно-правовом акте провозглашалось, что «отделившимся от православия сектантам предоставляется свободное исповедание их веры и отправление религиозных обрядов по правилам их вероучений, а также образование в порядке, настоящими правилами указанном, религиозных общин»¹². Кроме того, было четко сформулировано само понятие «сектантская община»: «Сектантской общиной почитается общество последователей одного и того же вероучения, имеющее целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительных и благотворительных потребностей его членов, собирающихся для общей молитвы в молитвенном доме или ином предназначенном для сего помещении»¹³.

Порядок учреждения и регистрации сектантских общин был прописан в ст. 7–12. Для создания общины требовалось письменное заявление в местное губернское (или областное) правление, подписанное не менее чем 50 лицами (ст. 7). В заявлении указывалось наименование религиозной организации, подлежащей регистрации, территория, на которой предполагалась ее деятельность, адрес молитвенного дома, а также фамилии и координаты заявителей (ст. 8). Губернское правление было обязано рассмотреть заявление в течение месяца с момента его подачи и в случае положительного решения вносило общину в особый реестр, который велся правлением (ст. 9). После регистрации общины она получала следующие права: избирать наставников, приобретать необходимое недвижимое имущество и заключать различные гражданско-правовые договоры, открывать молитвенные дома, образовательные и богоугодные учреждения и пр.¹⁴

Рассмотренные нормативно-правовые акты значительно улучшили положение евангельского движения в России, создав благоприятные условия для его активного распространения в различных частях империи. После 1905 г. происходит значительное увеличение численности российских баптистов за счет перехода в их ряды представителей иных конфессий, в первую очередь православных. По подсчетам А.А. Сафонова, за период с 1905 по 1911 гг. к баптистам перешло 30 094 чел., из них 24 140 чел. — из православия, а 5954 чел. — из других христианских

⁹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 102. Л. 9–9 об.

¹⁰ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 115. Л. 22.

¹¹ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 82.

¹² ПСЗ. Собр. 3. Т. XXVI. № 28424. С. 910.

¹³ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 129. Л. 32.

¹⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. XXVI. № 28424. С. 911.

конфессий¹⁵. К 1916 г. численность баптистов в России достигла 114 652 чел.¹⁶

Несколько менее быстрыми темпами росла численность евангельских христиан. К началу Первой мировой войны их насчитывалось около 31 тыс. чел. В то же время данная организация увеличивалась почти исключительно за счет этнических русских. Если из 114,6 тыс. баптистов русскими являлись примерно 67 тыс. чел. (58,5 %), то из 31 тыс. евангельских христиан 30 тыс. были русскими (96,8 %)¹⁷.

¹⁵ Сафонов А.А. Указ. соч. С. 163.

¹⁶ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). М., 1965. С. 224.

¹⁷ Там же. С. 234.

Таким образом, в годы Первой русской революции произошло значительное смягчение вероисповедного курса, что проявилось в отмене уголовного наказания за переход из православия в баптизм, упрощении процедуры смены веры, в сокращении административного контроля за баптистами и пр. Это привело к резкой активизации евангельского движения в России, а также к быстрому количественному росту его сторонников. Тем не менее уже на этом этапе обозначилась половинчатость начатых демократических реформ в религиозной сфере, поскольку баптистам не разрешалась публичная пропаганда своего вероучения, что являлось несомненным нарушением свободы совести.

Литература

1. Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция / А.Ф. Гавриленков. М. : Изд-во МГОУ, 2010. 262 с.
2. Голос архипастырей Церкви о свободе вероисповеданий // За первый год вероисповедной свободы в России: Бесплатное приложение к журналу «Миссионерское обозрение» за 1906 г. СПб., 1907. С. 135–136.
3. Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 583. Оп. 604. Д. 102.
4. ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 115.
5. ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 129.
6. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П.Н. Зырянов. М. : Наука, 1984. 224 с.
7. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.) / А.И. Клибанов. М. : Наука, 1965. 347 с.
8. Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917 гг.) / С.Н. Савинский. СПб. : Христианское общество «Библия для всех», 1999. 424 с.
9. Сафонов А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века / А.А. Сафонов. Тамбов : Изд-во Першина Р.В., 2007. 367 с.

Право убежища в эпоху становления социалистического государства

Пастухов Роман Олегович,
аспирант 2 курса Института права
Башкирского государственного университета
r-pastukhov@mail.ru

Институт права убежища играет значительную роль в развитии международного права и межгосударственных отношений, а именно в области прав и свобод человека. Вопрос права убежища был актуален на протяжении всех этапов исторического развития государства и международных отношений. В каждом периоде своего развития право убежища характеризовалось различными признаками, которые зависели во многом от политической обстановки как в отдельном государстве, так и во всем мире. В XX веке в результате революционных событий в России на смену кабалистического — буржуазного режима приходит социалистический режим, который оставил весомый след в развитии государства и права. В данной статье раскрывается сущность права убежища в период становления Советского социалистического государства. Именно в данном периоде своего развития право убежища приобретает исключительно политический характер. Кто мог пользоваться этим правом и от кого исходило окончательное решение о предоставлении убежища беженцам? Для того чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем право убежища в его историческом аспекте.

Ключевые слова: право убежища, социалистическое государство, политический характер, политические эмигранты, конституция.

Right of Asylum at a Socialist State Establishment

Pastukhov Roman O.,
2nd year Postgraduate Student of the Law Institute
of the Bashkir State University

Institute for asylum played a significant role in the development of international law and of international relations, namely in the field of human rights and freedoms. The question of asylum was relevant for all stages of the historical development of the state and international relations. In each period of its development, the right of asylum was characterized by a variety of symptoms, which depend largely on the political situation in individual states and around the world. In the 20th century as a result of the revolutionary events in Russia to replace the cabalistic — bourgeois regime comes socialist regime, which left a significant mark on the development of the state and law. This article reveals the essence of the right of asylum in the period of the Soviet socialist state. It was during this period of its development, the right to asylum becomes purely political. Who could benefit from this right, and from whom the final decision on granting asylum to refugees? In order to answer these questions to analyze the right to asylum in its historical aspect.

Key words: right of asylum, socialist state, political, political refugees, Constitution.

В 1917 г. происходит Великая Октябрьская социалистическая революция, после завершения которой впервые в мировой истории было создано социалистическое государство, которое внесло огромный вклад в развитие международного права. Здесь зарождается целый комплекс новых принципов, правовых институтов, норм права. Многие империи, пытающиеся разрушить прогрессирующее социалистическое государство, ограничивали право убежища государственным деятелям, а именно тем лицам, которые были сторонниками коммунизма. Лица, являющиеся политическими беглецами, выдавались тем государствам, от которых они должны скрыться. Так, в 1921 г. политический эмигрант, являющийся испан-

ским революционером, Форт, который обвинялся в покушении на премьер-министра Испании Дато, просил убежище в Германии, но она выдала его обратно испанским властям. Данная тенденция прослеживается и в период после Второй мировой войны. В 1951 г. Правительство Мексики выдало США секретаря Национального комитета Коммунистической партии США Г. Холла¹. Данный процесс начинает носить прогрессивный характер. Происходит массовая высылка политических эмигрантов из стран-убежищ. Впоследствии право убежища постепенно

¹ Галенская Л.Н. Право убежища. Международные правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1968. С. 26.

перестает действовать и существовать, так как для политических беглецов специально создавались тяжелые условия проживания, в которых невозможно было выживать. Так, в 1936 г. Франция предоставила убежище эмигрантам из Испании, которые были вынуждены бежать от террора со стороны фашизма. Беглецы были вынуждены находиться в невыносимых условиях. Их содержали в тюрьмах, им запрещали встречаться с родственниками, были ужасные условия антисанитарии и медицинского обслуживания, т. е. право убежища здесь практически полностью нарушалось, а вместе с ним нарушались в целом права и свободы человека. Но стоит отметить тот факт, что не все политические эмигранты находились в таких тяжелых условиях. После Великой Октябрьской социалистической революции за границей оказалось огромное количество русских эмигрантов, а именно сторонников белогвардейцев, которые были сторонниками капиталистического строя.

Так, автор Г.В. Игнатенко в своей статье «Ленин и Международное право» пишет, что белогвардейцы действуют в союзе с капиталистическими странами всего мира, они являются не только беженцами, но и прямыми помощниками всемирного капитала, за его счет содержимые и вместе с ним функционирующие². Существуют исторические факты, которые подтверждают, что у белогвардейцев имелись свои предприятия, средства массовой информации, они занимались активной шпионской деятельностью, занимались антисоветской пропагандой и организовывали террористические акты на территории Советского государства. В связи с образованием Советского социалистического государства институт права убежища начинает прогрессивно развиваться. В 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет принимает особый декрет «о праве убежища», где говорилось, что каждый иностранный гражданин, который преследуется на территории своего государства за преступления по политическим или религиозным мотивам, который впоследствии прибыл в Россию, имеет право на убежище³. Процедура выдачи данных лиц по требованию тех государств, гражданами которых они являются, производится не может. Если правительство иностранного

государства предъявляет требование о выдаче данных лиц, то это обращение рассматривается Народным комиссариатом иностранных дел, который далее передает его в суд для квалификации преступления и для ответов на следующие вопросы: является ли преступление политическим или религиозным и имеет ли преступление характерные уголовно-правовые черты? В зависимости от характера преступления решается вопрос о выдаче. Исходя из данного положения декрета можно сделать вывод, что он закрепил лишь политическую форму убежища. Процедура разрешения дел о выдаче иностранцев была очень демократична: право убежища провозглашается для политических эмигрантов и получает судебную защиту. Принятие рассматриваемого декрета означало, что иностранцы-революционеры всегда могли получить реальную поддержку и защиту со стороны Советского государства. Конституция РСФСР 1918 г., а именно ст. 21, также содержала положение о праве убежища. В ней говорилось, что «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет убежище всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления»⁴. Положения о праве убежища нашли свое отражение и в других конституциях советских республик. Так, в конституции УССР, а именно в ст. 31, говорилось: «УССР предоставляет право убежища всем иностранным гражданам, которые были подвергнуты преследованиям за преступления религиозного характера, антиправительственные преступления, которые защищают интересы классов буржуазии»⁵. Дальнейшее развитие института права убежища происходит в связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик. Стоит отметить, что Конституция СССР 1924 г. не содержала в себе статей, касающихся права убежища, но положения о праве на убежище содержатся во всех республиканских конституциях. Так, Конституция РСФСР 1925 г. установила, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет убежище каждому иностранному гражданину, который подвергся преследованиям из-за политической деятельности или из-за религиозных убеждений. Так,

² Игнатенко Г.В. В.И. Ленин и международное право // Правоведение. 1970. № 2. С. 101.

³ Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета «О праве убежища» от 28 марта 1918 г. // Собрание Указаний РСФСР. 1918. № 41. (Утратил силу.)

⁴ Конституция (Основной Закон) РФ — России от 12 апреля 1978 г. (с посл. изм. и доп. от 12.02.1992) // Свод законов РСФСР. 1988. № 1. (Утратил силу.)

⁵ Ястребова А.Ю. Правовые основы современной миграции и формирование иммиграционной политики РФ : учебно-практическое пособие. 3-изд. М. : Юрайт, 2011. С. 70.

это положение было воплощено в ст. 14 Конституции Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1927 г. и также в ст. 15 Конституции Узбекской Советской Социалистической Республики 1927 г. Стоит отметить, что советские конституции устанавливают определенную категорию лиц, которые имели право на убежище: те лица, которые подвергаются преследованию лишь по политическим мотивам или из-за религиозных убеждений. Следовательно, можно сделать вывод, что Советский Союз не предоставлял убежище лицам, которые подвергались преследованиям за совершенные ими преступления. В 1929 г. на XVI Всероссийском съезде советов было откорректировано положение Конституции РСФСР, в котором говорилось, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранным гражданам, которые подвергались преследованиям за ре-

волюционно-освободительную деятельность. Данное положение означает, что убежище предоставлялось иностранным гражданам только за определенную политическую деятельность, а именно за революционно-освободительную. Следующий шаг развития института права убежища в СССР происходит в связи с принятием новой Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. В ней также говорилось о праве убежища. Так, в ст. 129 говорилось: «СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу»⁶. Исходя из этого положения можно сделать вывод, что произошло расширение круга субъектов права убежища.

⁶ Конституция (Основной закон) Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // ИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283. (Утратила силу.)

Литература

1. Галенская Л.Н. Право убежища. Международные правовые вопросы / Л.Н. Галенская. М. : Международные отношения, 1968. 128 с.
2. Игнатенко Г.В. В.И. Ленин и международное право / Г.В. Игнатенко // Правоведение. 1970. № 2. С. 98–108.
3. Ястребова А.Ю. Правовые основы современной миграции и формирование иммиграционной политики РФ : учебно-практическое пособие / А.Ю. Ястребова. 3-изд. М. : Юрайт, 2011. 210 с.

Готовил ли Сталин депортацию советских евреев в 1953 году?

Зимин Илья Андреевич,
юрист
 ilya-zimin-89@mail.ru

В статье обсуждается возможность подготовки депортации советских евреев Сталиным и советским руководством в феврале — марте 1953 года. Приводятся аргументы в пользу и против версии о том, что такая подготовка имела место.

Ключевые слова: советские евреи, депортация, Сталин, еврейский вопрос, слухи.

Did Stalin Plotted Deportation of Soviet Jews in 1953?

Zimin Ilya A.,
Lawyer

The article discusses the possibility of preparing the deportation of Soviet Jews by Stalin and the Soviet leaders in February and March 1953. The arguments in favor and against the idea that such training took place are mentioned.

Key words: Soviet Jews, deportation, Stalin, Jewish question, rumors.

Эта страница отечественной истории не пользуется у нас в стране особой популярно-

стью — вопрос очень идеологизированный, отчасти политический, скользкий, то есть не-

удобный, неприятный и потому умалчиваемый. Почти как Зимняя война с Финляндией. Однако что может быть интереснее для настоящего историка, чем настоящая загадка?

Оговорюсь сразу — данная заметка служит лишь цели привлечь внимание к интересной проблеме и прикинуть аргументы за и против того или иного решения вопроса: готовили высылку или нет. Проблему же последствий депортации (если она готовилась) я оставляю за скобками — «убийственность» условий жизни в отдаленных местностях невозможно оценить теоретически, хотя примеры результатов высылки известны нам на опыте депортированных народов Кавказа, немецких и японских военнопленных, граждан СССР, эвакуированных во время Второй мировой войны в тыл, узников советских лагерей и других групп, оказавшихся по разным причинам в сходных обстоятельствах. Поэтому сегодня мы не можем назвать геноцидом то, что, к счастью, не было воплощено в реальность.

Аргументы в пользу того, что Сталин готовил высылку, следующие. Во-первых, прецеденты такого поведения советского руководства в период его правления страной по отношению к большим группам людей уже неоднократно имели место, в том числе в наказание за их поведение, реальное или вымышленное. Некоторые примеры вы можете увидеть выше. Во-вторых, уже после одобренного и частично организованного СССР в 1948 году создания государства Израиль отношение к евреям в Советском Союзе значительно ухудшилось и в последние годы жизни Иосифа Джугашвили было очень плохим, приметами времени стали убийство Михоэlsa и «дело врачей», «закручивание гаек» для верующих иудеев и поощрение средствами массовой информации бытового антисемитизма. В-третьих, слухи и позднейшие свидетельства разных лиц о том, что планы такие были, «дело врачей» должно было завершиться чуть ли не публичной казнью назначенных виновных 11–12 марта 1953 г.¹, еврейскую интеллигенцию власти собирались принудить написать письмо о желании переселиться на Дальний Восток, а товарные вагоны для этой цели якобы уже стояли на путях в ожидании приказа о начале операции².

¹ Мадиевский С. 1953 год: предстояла ли советским евреям депортация? [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/105/madie.htm> (дата обращения: 08.06.2017).

² Микоян А. Сталин. Каким я его знал. М.: ТД «Алгоритм», 2015. 270 с.

Про обострившиеся в определенный момент (из текста не вполне ясно, до или во время войны) антисемитские чувства Сталина писал весьма информированный человек той эпохи Анастас Микоян в своей книге «Сталин. Каким я его знал». Достигали они такой силы, что советский лидер менял отношение к собственным родственникам, если те решали связать свою судьбу с евреями. Так было с сыном Сталина Яковом, решившим жениться на еврейке и получившим на это разрешение только после неудачной попытки самоубийства, и с дочерью вождя Светланой, которая полюбила студента-еврея Морозова. Во втором случае молодых, уже заключивших брак, принудили развестись — сначала был арестован отец Морозова, затем Сталин пригрозил дочери уже арестом мужа. Микоян считает и прямо пишет, что спасла советских евреев от депортации только смерть Сталина³.

В 1953 г. Советский Союз в первый, но не в последний раз разорвал дипломатические отношения с Израилем, в создании которого всего пять лет назад принял самое деятельное участие. Закрывались школы и журналы, использовавшие в своей работе еврейские языки, верующим иудеям становилось труднее соблюдать требования религии. Самым слабым звеном в цепи советских народов позже назвал евреев Б. Пономарев, секретарь ЦК, курировавший международное коммунистическое движение на встрече с французскими коммунистами. Повторил подобное мнение и Н.С. Хрущев, зимой и весной 1953 г. не последний человек в государстве⁴, хотя позже и старавшийся отмежеваться от деяний Сталина.

Начались преследования так называемых космополитов, был разгромлен Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) и тайно убит Соломон Михоэлс. В газетах развернулась кампания ожесточенной критики, направленной против евреев⁵. Но были ли все эти репрессии только признаками окончания недолгой послевоенной оттепели и связанных с ней надежд на демократизацию жизни в стране (замечу, робких и далеко не всеобщих, более эмоциональных, нежели рассу-

³ Там же.

⁴ Локшин А. Евреи Москвы в период «оттепели» и «застоя» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7bStLTbm7mY>

⁵ Зильбер И. Чтобы ты оставался евреем. Глава «Последний год заключения» [Электронный ресурс] // URL: http://www.istok.ru/library/jewish-family/jew-home/stay-jew/memories_11936.html

дочных, и невероятно мифологизированных уже в наше время) или предвестниками депортации целого народа?

Про депортацию ходили слухи, некоторые люди сообщали позднее, что знали о ее подготовке либо подозревали советскую власть в подобных намерениях, замечая приметы, по которым они могли о них судить. Ходили ли такие же слухи перед депортацией чеченцев, ингушей или крымских татар? Не представляется возможным сказать об этом точно, однако слухи в любом случае были бы слабым аргументом. Изучив тему их распространения применительно к блокаде Ленинграда⁶, автор настоящей статьи слишком хорошо знает, что они могли как свидетельствовать о реальности, так и не иметь ничего общего с настоящим положением дел.

⁶ Зимин И.А. Слухи в блокадном Ленинграде // История государства и права. 2014. № 13. С. 50–52.

Однозначный ответ на вопрос о том, готовил ли Сталин высылку, можно будет получить в том случае, если будут найдены соответствующие документы. Вполне возможно, что они сохранились где-то в секретных архивах государственных органов. Так, по некоторым сведениям, к февралю 1953 г. была подготовлена и отпечатана огромным тиражом в миллион экземпляров книга, одобренная Сталиным и обосновывавшая депортацию⁷.

Думая о такой возможности, поневоле вспоминаешь другую загадку истории, которая также ждет обнаружения документальных доказательств, а именно вопрос о времени и месте принятия плана «окончательного решения» еврейского вопроса властями нацистской Германии примерно за 20 лет до описываемых событий. Сегодня принято считать, что это произошло на Ванзейской конференции, в январе 1942 г.

⁷ Мадиевский С. Указ. соч.

Литература

1. Мадиевский С. 1953 год: предстояла ли советским евреям депортация? / С. Мадиевский [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/105/madie.htm> (дата обращения 08.06.2017).
2. Микоян А. Сталин. Каким я его знал / А. Микоян. М.: ТД «Алгоритм», 2015. 270 с.
3. Локшин А. Евреи Москвы в период «оттепели» и «застоя» / А. Локшин [Электронный ресурс] // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7bStLTbm7mY>
4. Зильбер И. Чтобы ты оставался евреем / И. Зильбер [Электронный ресурс] // URL: http://www.istok.ru/library/Jewish-family/jew-home/stay-jew/memories_11936.html
5. Зимин И.А. Слухи в блокадном Ленинграде / И.А. Зимин // История государства и права. 2014. № 13. С. 50–52.

Начало и конец революции (В.И. Ленин и М.С. Горбачев)

*Иванников Иван Андреевич,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Южного федерального университета,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
Weide02@gmail.com*

В статье анализируются ключевые события в политико-правовой жизни России XX века. Показано изменение формы правления под влиянием революционных и контрреволюционных процессов. Перестройка в СССР показана как процесс экономического и идеологического саморазрушения, развала социалистического лагеря и государственно-правовой формы России в XX в. — СССР.

Ключевые слова: революция, контрреволюция, СССР, перестройка, гласность, форма правления.

Beginning and End of the Revolution (V.I. Lenin and M.S. Gorbachev)

*Ivannikov Ivan A.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Southern Federal University,
Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor*

The article analyzes key events in the political and legal life of Russia in the 20th century. The change in the form of government under the influence of revolutionary and counterrevolutionary processes is shown. Perestroika in the USSR is shown as a process of economic and ideological self-destruction, the collapse of the socialist camp and the state-legal form of Russia in the twentieth century — THE USSR.

Key words: revolution, counterrevolution, the USSR, perestroika, glasnost, form of government.

Всякая революция есть незаконный захват власти. 27 февраля 1917 г. восставшие в Петрограде привели 1 марта к власти Временное правительство. В Пскове 2 марта 1917 г. император Николай II отрёкся от престола в пользу брата Михаила. Ни армейские генералы, ни политические партии не выступили в защиту последнего российского императора.

Произошла ликвидация монархической формы правления. Семья императора арестована. Временное правительство упразднило Государственную думу. Была создана Верховная чрезвычайная следственная комиссия, тогда же появилось выражение «враг народа». 3 марта Временное правительство заявило о продолжении войны «до победного конца», разрешило посылать войска на подавление крестьянских волнений. 8 марта был указ о политической амнистии. 12 марта была отменена смертная казнь. Аграрный и национальный вопросы не решались. Временное правительство с большой поспешностью признали 9 марта 1917 г. США, а затем, 11 марта, Англия, Франция и Италия. Временное правительство действовало в переходный период от монархии к республи-

ке. 2 сентября 1917 г. Временное правительство России объявило о том, что Россия по форме правления является республикой. Еще после опубликования манифеста 17 октября 1905 г. юридически, а после открытия заседаний Государственной Думы 27 апреля 1906 г. фактически Россия стала ограниченной монархией. За 11 лет после установления в России ограниченной монархии республиканские СМИ пропагандировали республиканское правосознание, показали несовершенство монархической формы правления и выдвинули требования замены монархии республикой.

Еще в работе «Апрельские тезисы» 1917 г. В.И. Ленин провозгласил идею необходимости социалистической революции. 25 октября Временное правительство было свергнуто. Открывшийся в тот же день II Всероссийский съезд Советов принял написанное В.И. Лениным воззвание к «Рабочим, солдатам и крестьянам», что юридически оформило переход государственной власти к съезду Советов. Съезд Советов сделал то, что не делало Временной правительством: созвал Учредительное Собрание, а потом его и разогнал. Если буржуазные

революции в Англии и Франции имели длящийся во времени характер и привели к смене феодальной общественно-экономической формации капиталистической, то Февральская буржуазная революция в России 1917 г. произошла в условиях буржуазного строя. Октябрьская революция была переходом от буржуазной формации к социалистической. Октябрьская революция спасла Россию от уничтожения и превращения страны в колонию.

30 декабря 1922 г. — день утверждения Договора об образовании СССР. По Конституции СССР от 31 января 1924 г. СССР создали как союз равноправных и суверенных республик. В середине 1930-х гг. Сталин провозгласил построение основ социализма, которые закрепила Конституция СССР 1936 года. К этому времени насильственно были ликвидированы эксплуататорские классы, завершены коллективизация сельского хозяйства, индустриализация промышленности и культурная революция. Провозглашенные политические права были в основном декларативны, а экономические права реальны: право граждан на труд (ст. 18), отдых, материальное обеспечение в старости, на бесплатное образование и медицинское обслуживание. Провозглашалось равенство мужчины и женщины, равноправие граждан независимо от расы и национальности. В дальнейшем СССР одержал победу над объединенными войсками Европы под руководством Германии. Было восстановлено разрушенное войной хозяйство, создана мировая система социализма. В 1977 г. была принята Конституция СССР эпохи развитого социализма.

23 апреля 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев провозгласил политику ускорения социально-экономического развития советского общества. Предшествующий период советской истории, от Л.И. Брежнева до К.У. Черненко, назвали временем «застоя». Составными частями перестройки были «гласность», «ускорение» и «самоокупаемость».

«Гласность» проявлялась, прежде всего, в критике советского государства. XIX Всесоюзная партийная конференция 1988 г., развивая политический плюрализм, приняла резолюцию «О гласности». В то же время были опубликованы работы высланных из Советской России юристов и философов Ильина, Бердяева, Солоневича и др. 30 октября 1985 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении дополне-

ний в УК РСФСР», который дополнил УК РСФСР ст. 139.1 «Преследование граждан за критику» и создал правовые основы для гласности и критики. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 18 апреля 1986 г. «О применении судами законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан и преследование за критику» указывалось, что надо широко использовать СМИ для освещения судебных процессов по этим делам. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1989 г. была отменена ст. 190.1 УК РСФСР, запрещающая распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. 12 июня 1990 г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», который отменил цензуру и расширил свободу печати.

«Ускорение» в сфере научно-технического прогресса и социально-экономического развития фактически не состоялось. В 1987 г. был принят, а в 1988 г. вступил в действие Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», который перевел на хозяйственный расчет госпредприятия, что привело к падению производства. Закон дал возможность обогатиться самым предприимчивым директорам заводов и фабрик и привел к развалу прежней социалистической экономики. В мае 1991 г. был разработан проект Закона «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий». Принятие этого Закона привело в конечном счете к демонтажу советского ведения хозяйства.

В 1990 г., 15 марта, Съезд народных депутатов СССР ввел институт президента и внес изменения в Конституцию СССР. Президента СССР вывели из-под контроля КПСС и Политбюро ЦК КПСС. 14 мая 1990 года Верховный Совет СССР принял Закон СССР № 1478-1 «О защите чести и достоинства Президента СССР»¹, который защищал Президента СССР от критики, дал ему право закрыть любое СМИ в стране.

Таким образом, в годы перестройки с помощью законов разрушили Советское государство. М.С. Горбачев отмечал: «Строго будем соблюдать принцип: разрешается все,

¹ Закон СССР «О защите чести и достоинства Президента СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 22. Ст. 391.

что не запрещено законом»². Начался процесс формирования новой правовой идеологии, морального разложения общества, готовилась почва для развала советского общества и государства. Менялось как союзное, так и республиканское законодательство.

Еще ранее, в конце 1989 г., во время встречи М.С. Горбачева и Президента США Джорджа Буша были достигнуты договоренности по невмешательству СССР в дела европейских соцстран, согласие Советского Союза на объединение Германии и на отчуждение прибалтийских республик от СССР.

По ст. 72 Конституции СССР каждая союзная республика имела право на выход из состава СССР. Процедура выхода союзной республики была регламентирована Законом СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» № 1409-1 от 3 апреля 1990 г. Принятие 12 июня 1990 г. на Первом съезде народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете России и независимости от центра явилось правовым и политическим началом развала СССР. Нарушая принцип конституционной законности, провозглашалось верховенство республиканских законов над законами СССР. В нарушении Конституции СССР был принят Закон РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР»³. Принятие закона послужило толчком к всеобщей суверенизации, фактически к распаду СССР. В декабре 1990 г. был принят Закон «О всенародном голосовании (референдуме СССР)». На референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение СССР проголосовало 70,5 % из 83,5 % населения СССР, участвующего в голосовании. После референдума М.С. Горбачев создал ГКЧП, который спровоцировал на публичное объявление о своем существовании 18 августа 1991 г., что подготовило почву для демократического переворота и юридической ликвидации СССР 8 декабря 1991 г., путем подписания в Беловежской пуще Белоруссии соглашения между главами России, Белоруссии и Украины.

М.С. Горбачев еще до подписания нового союзного договора сам решил, что от СССР должны отсоединиться шесть союзных республик. Об этом в своих мемуарах отмечал последний председатель Каби-

нета министров СССР В.С. Павлов. По его мнению, М.С. Горбачев «не спросив ни народ, ни съезд, ни даже Верховный Совет СССР...»⁴. А.И. Лукьянов также отмечает, что 29–30 июля 1991 г. «в Ново-Огареве Горбачев провел секретную встречу с Назарбаевым и Ельциным, после которой текст проекта союзного договора изменился в сторону еще большей дефедерализации, появилось условие прекращения действия Конституции СССР после подписания Договора, само подписание было перенесено на 20 августа, а союзный парламент вообще был отстранен от этого дела»⁵. В.Ф. Кебич отмечал, что на пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев говорил о том, что он с партией, а на заседании Госсовета — о роспуске КПСС. «Я уверен больше чем на сто процентов, что желание развалить Советский Союз у Горбачева было»⁶.

Как в феврале 1917 г., так и в 1991 г. США желали распада России. 5 сентября 1991 г. Дж. Буш заявил о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии. 6 сентября 1991 г. Государственный Совет СССР признал независимость этих республик, а М.С. Горбачев подписал постановления об их независимости. В республиках Прибалтики не проводились референдумы по поводу выхода из СССР. Государственный Совет под руководством М.С. Горбачева превысил свои полномочия и принял решение по вопросу, относящемуся к компетенции Верховного Совета СССР. М.С. Горбачев умышленно пошел на нарушение Конституции СССР: проекты постановлений готовились при непосредственном его участии, он вынес их на рассмотрение Госсовета и участвовал в их обсуждении. Решения Государственного Совета СССР были подписаны М.С. Горбачевым. По его указанию были заключены дипломатические отношения СССР с Латвией, Литвой, Эстонией. Решения по этим вопросам он принимал единолично. Был нанесен огромный ущерб территориальной целостности и государственной безопасности СССР.

4 ноября 1991 г. начальник Управления Генеральной прокуратуры СССР по надзору за исполнением законов о государствен-

² Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988. С. 108.

³ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 237.

⁴ Павлов В.С. Путч Горбачева // Иуда. Анатомия предательства Горбачева / Б. Олейник, В. Павлов, Н. Рыжков. М.: Алгоритм; Эксмо, 2010. С. 73.

⁵ Лукьянов А.И. Август 91-го. А был ли заговор? М., 1990. С. 170.

⁶ Тот, кто ставит крест на всем советском, глубоко заблуждается // Белорусская думка. 2011. № 1. С. 35.

ной безопасности В.И. Илюхин возбудил уголовное дело в отношении президента СССР М.С. Горбачева за измену Родине. Однако продолжения расследование дела не получило, так как Генеральный прокурор СССР Н. Трубин отменил это решение, а В.И. Илюхина уволили со службы. Имел ли право В.И. Илюхин возбуждать такое уголовное дело или это был пиар? Имел, но оно могло иметь силу после его санкционирования Генеральным прокурором СССР.

Незаконными указами в сентябре — октябре 1991 г. Б.Н. Ельцин прекратил действие Конституции СССР на территории РСФСР. М.С. Горбачев отказался от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, а ЦК КПСС посоветовал самораспуститься.

Подписанное 8 декабря 1991 г. в Вискулях, в Беловежской пуще, соглашение противоречило законам СССР, итогам рефе-

рендума от 17 марта 1991 г. Б.Н. Ельцин о ликвидации СССР 8 декабря 1991 г. первому сообщил Президенту США Джорджу Бушу, а не М.С. Горбачеву. Должность Президента СССР прекратила свое существование 25 декабря 1991 г., после отставки М.С. Горбачева. Он не выполнил своих обязательств как президент по защите конституционного строя СССР и ее народа. 26 декабря 1991 г. в Москве, в Кремле, был спущен красный флаг.

М.С. Горбачев в 1987 г. называл «перестройку» революцией. Однако это была контрреволюция «сверху», которая представляла собой сменяющие друг друга периоды экономического и идеологического саморазрушения, развала социалистического лагеря и государственно-правовой формы России в XX в. — СССР, отказ от завоеваний Октября 1917 г.

Литература

1. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М.С. Горбачев. М., 1988. 271 с.
2. Лукьянов А.И. Август 91-го. А был ли заговор? / А.И. Лукьянов. М., 1990. 692 с.
3. Павлов В.С. Путч Горбачева / В.С. Павлов // Иуда. Анатомия предательства Горбачева ; Б. Олейник, В. Павлов, Н. Рыжков. М. : Алгоритм; Эксмо, 2010. 240 с.
4. Кебич В. Тот, кто... // URL: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_905168.pdf

Условное осуждение: вчера, сегодня, завтра

*Ищук Ярослав Григорьевич,
старший преподаватель кафедры
уголовной политики Академии управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
yar-vyatka@yandex.ru*

В статье анализируется институт условного осуждения на определенных исторических этапах реализации советским и российским государством уголовной политики. В завершение осмысливается дальнейший путь развития данного института.

Ключевые слова: условное осуждение, уголовная политика, probation.

Suspended Sentence: Yesterday, Today, Tomorrow

*Ischuk Yaroslav G.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Policy
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the institute of probation on certain historical stages of the Soviet and Russian state criminal policy. At the end it is interpreted the way forward of this institution.

Key words: probation, criminal policy, probation.

Определенные исторические этапы развития (в некоторых случаях и регресса) нашей страны вынуждали государство ориентировать политику по заданным векторам конкретной исторической обстановки. Институт условного осуждения также совершенствовался, трансформировался и приобретал иное содержание в зависимости от проводимой государством уголовной политики.

Становление института условного осуждения в нашей стране относится к концу XIX века: опираясь на зарубежный опыт, ученые обосновывали необходимость включения в уголовное законодательство института условного осуждения.¹

Кроме научных доводов о необходимости принятия уголовным законодательством условного осуждения толчком к обсуждению законодателем данного вопроса явился мировой экономический кризис 1900–1903 гг.

В 1903 г. отдел уголовных вопросов Особой комиссии представил проект закона «Об условном осуждении», согласно ст. 1 которого условное осуждение должно было применяться по усмотрению суда к преступным деяниям, за учинение которых предусматривались заключение в крепости или тюрьме на срок не свыше одного года, арест на срок не свыше 6 месяцев или выплата денежной пени в размере не свыше 500 руб., если осужденный по ряду обстоятельств заслуживал снисхождения².

Третья Государственная Дума в 1909 г. с учетом неблагоприятных условий содержания граждан в тюрьмах, их переполненности, отсутствия категоризации преступников и с целью перенаправления правоохранительной системы на борьбу с революционно настроенной частью общества обсудила и утвердила данный законопроект. Однако в действие он так и не вступил. Причиной этому послужило обострение социально-экономической и политической обстановки в России³, вызванное Первой мировой войной, Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской революциями 1917 г.

Октябрьская революция 1917 г. задала новый курс развития страны и проводимой уголовной политики, которая была поставлена на службу государству рабочих и крестьян.

Интересным историческим примером в контексте нашего исследования могут служить некоторые виды наказаний по Руководящим началам 1919 г., такие как: внушение, выражение общественного порицания; принуждение к действию, не представляющему физического лишения; объявление под бойкотом; исключение из объединения на время или навсегда; восстанование, а при его невозможности — возмещение причиненного ущерба и др.⁴ Необходимо отметить, что в настоящее время аналогом данных наказаний может служить институт probation, который распространен в европейских странах, а также принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним преступникам⁵, и судебный штраф.

Руководящие начала 1919 определили новый курс уголовной политики, вектор которой прежде всего в соответствии с Конституцией 1918 г. ориентировался на социально-классовую сущность правовых механизмов борьбы с преступностью в условиях перехода от капитализма к социализму.

В советский период развития нашего государства В.И. Ленин прямо указывал на необходимость введения условного осуждения, которое с первых же дней существования советской власти стало широко применяться судами. Условное осуждение расценивалось как возможность лицу, совершившему преступление и глубоко раскаявшемуся в нем, исправиться и искупить свою вину перед государством честным трудом, оставаясь на свободе. Эта возможность изменения к лучшему непосредственно учитывается и научным принципом развития, согласно которому все психические явления, в том числе в личности преступника, должны рассматриваться в их скрытых или явных потенциях и динамике как изменяющиеся, формирующиеся, преобразующие свое деструктивное проявление в определенных позитивных си-

¹ См. подр.: Ищук Я.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых условно осужденными: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13–17.

² Земляной Г.А. Условное осуждение: истоки, прошлое и настоящее // Юридическая мысль. 2003. № 2. С. 97.

³ Ищук Я.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых условно осужденными: авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.

⁴ Постановление НаркомЮста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [Электронный ресурс] // URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a649x907.htm

⁵ Соловьев В.С., Тюрина И.Н. О проблемах эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, связанных с особенностями личности несовершеннолетнего преступника // Законодательство. 2015. № 10. С. 69–70.

туациях. Это возможно прежде всего в тех случаях, когда потенциальная позитивная субъектность признается и поддерживается другими, социумом⁶.

О направлении уголовной политики и характере условного осуждения данного периода времени можно судить по Приказу от 08.02.1921 «О карательной политике органов ЧК», в котором Ф.Э. Дзержинский писал, что «если заставить провинившегося рабочего вместо тюрьмы работать на своем же заводе под ответственностью остальных рабочих, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать: украдет Сидоров или Петров еще раз, опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем, — такой порядок будет действовать гораздо сильнее и целесообразней, чем сидение под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, малосознательных товарищей...»⁷.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. уделяли значительное внимание институту условного осуждения, в связи с чем в 1919–1922 гг. условно осужденные составляли более трети от общего количества всех осужденных народными судами⁸.

В первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. понятие условного осуждения и порядок его применения излагались достаточно подробно: осуждение могло применяться судом к лицу, совершившему преступление, за которое по закону установлена мера наказания в виде лишения свободы, при наличии следующих условий: 1) если лицо совершило преступление впервые; 2) при тяжелом стечении обстоятельств его жизни; 3) когда степень опасности осужденного не требовала обязательной изоляции его от общества⁹. Нормы института условного осуждения были закреплены и в общесоюзном уголовном законодательстве — Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., — в котором применение условного осуждения рассматривалось

как обычный случай а не исключение из правил.

Основы 1924 г. отказались от понятия «наказание», заменив его понятием «меры социальной защиты», тем самым законодатель стремился отказаться от дефиниции возмездия, которое в буржуазном уголовном праве обычно связано с понятием наказания.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. определил, что суд должен мотивировать применение условного осуждения.

Уголовная политика военного периода (1941–1945 гг.) по объективным причинам ориентировалась на усиление уголовной ответственности. Условное осуждение применялось, однако его доля среди мер наказания резко сократилась.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. еще больше расширили объем применения условного осуждения: «Если суд придет к убеждению о нецелесообразности отбывания виновным назначенного ему лишения свободы или исправительных работ, он может постановить об условном осуждении с обязательным указанием в приговоре мотивов условного осуждения»¹⁰.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. устанавливал, что условное осуждение применялось при назначении наказания в виде лишения свободы или исправительных работ с учетом обстоятельств дела и личности виновного. Контроль за поведением условно осужденных осуществлялся органами внутренних дел. Помимо этого, суду предоставлялась возможность передать условно осужденного трудовым коллективам или организациям для перевоспитания и исправления¹¹.

Кардинальные преобразования в экономической, политической и общественной сферах жизни середины 80-х гг. XX в. потребовали новых подходов к правовому регулированию общественных отношений. Необходимость проведения реформы уголовного законодательства диктовалась и неблагоприятными тенденциями развития преступности, ее количественными и качественными характеристиками, необходимостью криминализации новых форм противоправных

⁶ Уразаева Г.И. Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 127.

⁷ Дзержинский Ф.Э. О революционной законности // Исторический архив. М., 1958. Вып. 1 С. 14.

⁸ Ежегодник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 43–44.

⁹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt>

¹⁰ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6067.htm>

¹¹ Ищук Я.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых условно осужденными : автореферат дис. ... канд. юрид. наук... С. 12.

деяний и декриминализации норм, утративших общественную опасность.

Таким образом, УК РСФСР 1960 г. перестал соответствовать уголовной политике новой России.

Кроме того, Россия, интернировавшись в тесное сотрудничество с зарубежными странами, начала имплементировать общепризнанные мировые нормы и стратегии в собственное законодательство, в связи с чем дальнейший вектор уголовной политики проводился под лозунгом гуманизации уголовной репрессии.

Действующий Уголовный кодекс 1996 г. расширил перечень наказаний, за которые назначается условное осуждение, установил четкие пределы испытательного срока, условия и последствия нарушения установленных ограничений.

Ранее уже публиковались исследования, посвященные детальному анализу правоположений института условного осуждения в современном уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах¹², в связи с чем обозначим лишь его сущностную составляющую.

Условное осуждение в системе мер уголовно-правового характера занимает особое место. Условное осуждение не является видом наказания, оно не означает также освобождение от наказания. Данный институт применяется только после назначения наказания лицу, виновному в совершении преступления. Нормы уголовного закона, регулирующие условное осуждение, нашли свое отражение в главе 10 «Назначение наказания» Общей части УК РФ. При назначении условного осуждения суд определяет вино-

вному испытательный срок, в течение которого реальное наказание не исполняется.

Дискуссии по поводу юридической природы условного осуждения не утихают и до настоящего времени. Наша точка зрения сводится к тому, что условное осуждение не является карательно-репрессивной мерой, а представляет собой иную меру уголовно-правового характера, заключающуюся в неприменении уголовного наказания при соблюдении определенных в уголовном законе условий.

В ст. 73 УК РФ закреплено: если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. При этом суд должен принять во внимание данные, характеризующие личность виновного, степень общественной опасности совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие его вину¹³.

Поскольку концептуальные положения института условного осуждения в XIX веке были заимствованы из опыта его применения в зарубежных странах, интересно кратко остановиться на его нынешних формах в различных государствах.

Так, институт условного осуждения в Испании, Англии, США, Франции, Японии характеризуется как мера общественной безопасности, связанная с неукоснительным контролем за поведением осужденного.

В ряде других стран Европы, Америки, в некоторых африканских и азиатских государствах аналогом условного осуждения является институт пробации, смысл которой сводится к привлечению общества и общественных институтов в деятельности по оказанию помощи в надзоре и социализации осужденных лиц.

Эффективность деятельности службы пробации достигается путем соединения контрольно-надзорных функций с мерами социальной защиты (помощь в трудоустройстве, обучении, социализации и т. п.). Сущность данного института заключается во взаимодействии с различными заинтересованными органами, организациями, а также с семьями осужденных и общественностью с целью их привлечения к процессу оказания положительного воздействия на осужденных.

¹² Ищук Я.Г. Правоположения института условного осуждения в отечественном и зарубежном законодательствах // Приоритеты современной российской уголовной политики: проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования : материалы Международного научно-практического семинара : сб. науч. ст. М. : Изд-во СГУ, 2014. С. 74–80 ; Его же. Проблемы дифференциации ответственности при назначении условного осуждения // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве : материалы Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. / под ред. В.Ф. Лапшина. Издательство: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань), 2015. С. 95–98 ; Его же. Эффективность условного осуждения в деятельности по исправлению осужденных и предупреждению с их стороны новых преступлений // Российский криминологический взгляд. 2010. № 4. С. 274–277 ; Его же. Юридическая природа института условного осуждения // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С. 64–67 ; и др.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовно-исполнительная политика также ориентирована на введение данного института в России. Так, утвержденная Правительством Российской Федерации Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусматривает создание службы пробации.

Считаем, что дальнейшее развитие института условного осуждения в уголовном законодательстве России должно ориентироваться на принятие закона «О пробации в Российской Федерации» и создании службы пробации (наряду с условным осуждением), которая не будет входить в структуру ФСИН и МВД России.

Литература

1. Дзержинский Ф.Э. О революционной законности / Ф.Э. Дзержинский // Исторический архив. М., 1958. Вып. 1 С. 3–25.
2. Земляной Г.А. Условное осуждение: истоки, прошлое и настоящее / Г.А. Земляной // Юридическая мысль. 2003. № 2. С. 94–101.
3. Ищук Я.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых условно осужденными : дис. ... канд. юрид. наук / Я.Г. Ищук. М., 2011. 205 с.
4. Ищук Я.Г. Правовые положения института условного осуждения в отечественном и зарубежном законодательствах / Я.Г. Ищук // Приоритеты современной российской уголовной политики: проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования : материалы Международного научно-практического семинара : сб. науч. ст. М. : Изд-во СГУ, 2014. С. 74–80.
5. Ищук Я.Г. Проблемы дифференциации ответственности при назначении условного осуждения / Я.Г. Ищук // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве : материалы Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. ; под ред. В.Ф. Лапшина. Издательство: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань), 2015. С. 95–98.
6. Ищук Я.Г. Эффективность условного осуждения в деятельности по исправлению осужденных и предупреждению с их стороны новых преступлений / Я.Г. Ищук // Российский криминологический взгляд. 2010. № 4. С. 274–277.
7. Ищук Я.Г. Юридическая природа института условного осуждения / Я.Г. Ищук // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С. 64–67.
8. Ищук Я.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых условно осужденными : авторефер. дис. ... канд. юрид. наук / Я.Г. Ищук. М., 2012. 22 с.
9. Кислый О.А. История становления и развития подразделений собственной безопасности органов внутренних дел / О.А. Кислый // Проблемы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 234–236.
10. Соловьев В.С. О проблемах эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, связанных с особенностями личности несовершеннолетнего преступника / В.С. Соловьев, И.Н. Тюрина // Законодательство. 2015. № 10. С. 69–70.
11. Уразаева Г.И. Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения / Г.И. Уразаева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 127–128.
12. Чистотина О.Н. Проблемы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / О.Н. Чистотина // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 41–46.

Основные идеи учения о покушении на преступление в исследовании Г.Е. Колоколова

*Решетников Александр Юрьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
criminal-law@mail.ru*

В статье исследуется содержание крупной научной работы середины XIX века, подготовленной российским юристом Г.Е. Колоколовым по проблемам содержания и наказуемости покушения на преступление. Анализу подвергнута авторская концепция покушения на преступление, основанная на анализе законодательства и уголовно-правовой доктрины XIX века, которая внесла существенный вклад в развитие отечественной уголовно-правовой науки. Показаны воззрения Г.Е. Колоколова на содержание понятия «покушение» на преступление, определяемого им как промежуточная стадия между приготовлением к преступлению и окончанным преступлением и состоящего из положительных и отрицательных элементов. Проанализирован подход криминалиста к разграничению стадий преступления между собой. Приведена аргументация ученого о наказуемости как покушения на преступление лишь таких действий, которые субъективно завершены. Отражено отношение криминалиста к вопросам о видах вины при покушении на преступление и о возможности наказания за безрезультатные неосторожные действия, а также о наказуемости негодных покушений.

Ключевые слова: покушение на преступление, неоконченное преступление, наказание, приготовление к преступлению, стадии преступления.

Main Ideas of Attempted Crime Doctrine in Research of G.E. Kolokolov

*Reshetnikov Aleksandr Yu.,
Assistant Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article consists the result of the research of tractate about an attempted crime by prof. G.E. Kolokolov, that was published in 1884. Shows the author's conception of attempted crime, that is based on the results of the analysis of legislation and criminal-law doctrine of the XIX century. Notes that G.E. Kolokolov has made a significant contribution to the evolution of the Russian criminal-law theory. Demonstrates G.E. Kolokolov's opinion about content of attempted crime and its definition. He means that attempted crime includes positive and negative elements. It is shown that differentiation of preparation of crime and attempted crime was based on conceptions of guiltiness and the aims of punishment. Shows the reasoning of scientist about punishable as an attempted crime such actions, that subjectively completed. Analyzes criminalist's opinion about guiltiness in attempted crime and punishment for careless actions that do not lead to criminal consequences; his point of view about guiltiness of attempt in circumstances making accomplishment of criminal objective impossible.

Key words: attempted crime, inchoate crime, penal sanctions, preparation of crime, degree in the commission of crime.

Среди отечественных ученых-криминалистов XIX века, внесших значительный вклад в развитие правовой мысли, чьи имена, равно как и весьма интересные идеи и концепции, сегодня по разным причинам находятся не на слуху¹, хотелось бы отметить про-

¹ Исключением из общего правила об относительном забвении в современной уголовно-правовой доктрине идей, принадлежащих профессору Г.Е. Колоколову, являются немногочисленные работы, не так давно появившиеся в печати. См., напр.: Нигмадянова С.Ф., Сидоркин А.И. Стадии совершения преступления в уголовном праве России (XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола, 2006. 190 с. ;

фессора Московского университета Георгия Евграфовича Колоколова (1851–1909).

Одной из его работ, в которой показана несостоятельность господствующих в то время теорий по проблемам квалификации и наказуемости покушения на преступление, явилась вышедшая в 1884 г. в Москве монография «К учению о покушении». В этом сочинении, составившем основу докторской диссертации Г.Е. Колоколова (защищена в Московском университете 9 апреля 1885 г.),

Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. М., 2013. 168 с. ; и др.

автор предпринял успешную попытку установить «более удовлетворительную доктрину».

Действительно, личный вклад в разработку соответствующей проблематики Г.Е. Колоколова оказался существенным для развития учения о стадиях преступления. В монографии автор анализирует новейшие для своего времени работы отечественных и зарубежных криминалистов, вступает с ними в полемику и формулирует собственные выводы по основным вопросам об ответственности за покушение на преступление. В частности, в работе отражены взгляды ученого о разграничении стадий неоконченной преступной деятельности, об области применения понятия покушения на преступление, его наказуемости и др. Пятая часть объема всей рукописи уделена введению, которое определяет приверженность Г.Е. Колоколова к психологической концепции вины.

В юридической литературе XIX века и в законодательствах европейских государств того времени под термином «покушение» понималась стадия умышленного деяния, занимающая промежуточное место между приготовительными действиями и окончательным преступлением. Надо заметить, что многие ученые того времени пытались предложить критерии, позволяющие разграничивать соответствующие стадии преступной деятельности (А. Bauer, С. Bar, С. Köstlin, Н.В. Ратовский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, А.П. Чебышев-Дмитриев и др.). Критический анализ различных подходов по этому вопросу и их классификацию Г.Е. Колоколов дополняет собственной теоретической конструкцией, которая позволила ему предложить авторское определение покушения на преступление.

«Понятие покушения складывается из двух элементов: положительного и отрицательного»². Каждый из представленных элементов выполняет разграничительную функцию, позволяющую дифференцировать стадии преступной деятельности. Первый из названных элементов (положительный) должен указывать на признак, отличающий покушение от действий приготовительных, второй же (отрицательный) определяет, по мнению автора, «тот порог, за который преступное действие не должно переходить, чтобы не превратиться из покушения в „delictum consummatum“».

В основу градации приготовления к преступлению и покушения на преступление

Г.Е. Колоколов заложил идеи наказуемости. «Явно само собою, — указывает он, — что установить такую границу — значит в сущности определить тот пункт, которого должно достигнуть неоконченное преступное деяние, чтобы мы могли признать его наказуемым. Но при отыскании такого пункта, следует, очевидно, основываться на общем учении о задачах карательных мер: только здесь можем мы найти необходимый базис для определения условий наказуемости неоконченного деликта»³.

Как известно, дореволюционное уголовное законодательство не называло целей наказания, а первое косвенное нормативное упоминание о них закреплено только в ст. 7 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. Вместе с тем существующая в науке дискуссия относительно целей наказания является, по сути, главной проблемой уголовного права. От ее решения зависят и пределы наказуемости неоконченного преступления. Оригинальное видение этой проблемы Г.Е. Колоколовым обусловило его концепцию покушения.

Ученый принадлежал к сторонникам позитивизма. Это обстоятельство повлияло на отвержение им идеи о том, что наказание есть выражение абсолютной справедливости. Конечные цели института наказания, по мнению Г.Е. Колоколова, должны быть сведены к: 1) устрашению и ограничению частной мести; 2) общему предупреждению преступлений; 3) устранению опасности, угрожающей обществу от лиц, которые уже совершили преступления.

С учетом этого определение этапа, по достижении которого неоконченное преступное деяние может стать наказуемым (Г.Е. Колоколов имеет в виду стадию покушения на преступление⁴), всецело зависит от частно-превентивных задач наказания. «Ясно, таким образом, что наказуемость неоконченного преступного деяния, — пишет автор, — может быть установлена лишь во имя устранения опасности, угрожающей от его совершителя в будущем»⁵. Одновременно с этим Г.Е. Колоколов задается вопросом: как далеко должен зайти субъект при реализации злого умысла, чтобы на основании выполненных им действий можно было бы признать его

³ Там же.

⁴ Принцип ненаказуемости приготовительных действий был господствующим в доктрине и законодательствах того времени, хотя и с некоторыми исключениями.

⁵ Колоколов Г. Указ. соч. С. 189.

² Колоколов Г. К учению о покушении. М., 1884. С. 181.

опасным для общества? Психические свойства лица, способность субъекта посягать на общественный порядок и вместе с тем действительность его нарушения — такое сочетание видится Г.Е. Колоколовым верным ответом на поставленный вопрос.

Таким образом, предложенная конструкция исключала случаи наказуемости прерванных неоконченных покушений («покушения воспрепятствованные»). Этот подход Г.Е. Колоколова резко противоречил укоренившейся в доктрине позиции о наказуемости покушения на преступление вне зависимости от степени его завершенности и субъективных установок виновного. В обоснование своей концепции ученый приводит ряд доводов, позволяющих разграничить добровольно прекращенную преступную деятельность и покушение на преступление⁶. Криминалист приходит к следующему выводу: «Покушение, в отличие от *delictum praeparatum*, предполагает действительное выполнение субъектом всех тех актов, которые он считал необходимыми со своей стороны для реализации преступного плана»⁷.

Разграничив стадии приготовительных действий и покушения на преступление, Г.Е. Колоколов возвращается к обоснованию «отрицательного» элемента, отделяющего покушение от оконченного преступления. Он пишет о понятии «преднамеренного деликта» и сознательно избегает термина «состав преступления» (*corpus delicti*), уповая на его «крайнюю неопределенность».

Исследователя волнует вопрос: каждое ли преступное последствие, наступившее в результате действий виновного, должно признаваться оконченным преступлением? На него он дает отрицательный ответ, указывая, что существует масса комбинаций, в которых, несмотря на наступление преступного последствия, признание деликта оконченным невозможно. Эти ситуации ученый объединяет в две группы: «...во-первых, когда преступный результат осуществляется иным путем, чем как предполагал виновный; и во-вторых, когда жертвою преступления становится другое лицо, чем какое было намечено преступником». Иными словами, Г.Е. Колоколов имеет в виду различные ситуации возникновения ошибок (отклонения действия, развития причинной связи и пр.). Подробно разбирая каждую из них и критически обращаясь к работам немецких (Биндинг,

Миттермайер, Кестлин, Ортманн, Бар, Бурри, Штюбель и др.) и русских (Таганцев, Сергиевский, Будзинский) коллег, он пытается провести границу между оконченным преступлением и покушением на него: «*Conatus*, в отличие от *delictum consummatum*, предполагает или отсутствие противозаконного результата, или, по крайней мере, осуществление последнего иным путем или на ином лице, чем какое наметил преступник»⁸.

На основании проведенных дифференциаций Г.Е. Колоколов приходит к достаточно широкому по объему определению исследуемого им правового феномена. «Покушение, — заключает он, — существует во всех тех случаях, где хотя и субъект выполняет все предположенные им акты, но преднамеренный результат или вовсе не осуществляется, или же, по крайней мере, воспроизводится иным путем или на ином лице, чем какое предполагалось виновным»⁹.

Этим определением Г.Е. Колоколов показывает, какова область его применения. Прежде всего автора интересовал вопрос о формах вины при покушении. В целом соглашаясь с господствующей доктриной, криминалист указывает на невозможность покушения с неосторожной формой вины. Во то же время он ставит следующий вопрос: как следует рассматривать неосторожную деятельность в тех случаях, где, благодаря тем или другим условиям, она не повлекла за собою вредного результата?

Для понимания сущности авторского ответа на него вкратце следует обратиться к содержанию рассматриваемого исследования.

В уголовно-правовой науке существует постулат, согласно которому неосторожная деятельность, не приводящая к преступному результату, не подлежит правовой оценке. Г.Е. Колоколов полагает, что эта идея нуждается в уточнении. Так, он подчеркивает, что признаваемые большинством криминалистов два вида неосторожной вины (беспечность и самонадеянность) «не исчерпывают вполне той области, которую должна занимать *culpa*». «По нашему мнению, сюда следует отнести еще один вид виновности, который совершенно игнорируется литературой»¹⁰. В данном случае имеются в виду те комбинации, когда субъект, сознавая вероятность преступного результата, же-

⁶ Там же. С. 190–192.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 216.

лает, чтобы какая-либо случайность его отклонила.

Выделение этого «вида виновности» представляется вполне логичным на фоне рассуждений автора о допустимых видах умысла при покушении. По его мнению, прямой умысел (определенный, неопределенный, альтернативный) при покушении не вызывает сомнений, а косвенный (преступное безразличие), не только применительно к этой стадии преступной деятельности, но и вообще «существует только в фантазии криминалистов, но не в действительной жизни». Для вменяемого человека, полагает Г.Е. Колоколов, безразличное отношение к противозаконному последствию немислимо. Как правило, человек предполагает тот результат, к которому может привести деяние, хотя он может действовать и ради другой цели. Такое мнение было достаточно распространено в литературе при обосновании косвенного умысла¹¹. Соглашаясь с ним, по существу Г.Е. Колоколов указывает: «Но очевидно само собою, что человек психически здоровый, сознательно обуславливая преступный результат, не может не понимать, что последний является для него в известном отношении невыгодным — хотя бы уже потому, что за наступившее последствие он может подвергнуться уголовной каре»¹². Именно поэтому автор считает невозможным безразличное отношение к преступным последствиям. Он говорит о желании ненаступления последствия.

Подобные «комбинации», в которых субъект сознает вероятность преступного результата и желает его ненаступления в силу случайных обстоятельств, признаются им еще одним «видом виновности». Надо заметить, что в своей более ранней работе по проблемам соучастия Г.Е. Колоколов выделял особую «среднюю» форму вины, которая занимала промежуточное место между умыслом и неосторожностью¹³. В исследовании «О покушении» он отказывается от такой градации в пользу расширения границ неосторожности, в то же время придавая «среднее место» этому ее виду в аспекте наказуемости¹⁴.

Сознательно не давая определения описываемой разновидности неосторожной ви-

ны, равно как и не предлагая соответствующих признаков для отграничения ее от беспечности и самонадеянности, Г.Е. Колоколов делает несколько оговорок на этот счет.

Во-первых, достоверная констатация подобных признаков сложна, а их закрепление в законодательстве путем универсализации создаст лишь значительные затруднения в судебной практике.

Во-вторых, трудности применения на практике выделяемого вида неосторожности еще не являют собой повод для отказа от него.

И в-третьих, анализ фактических обстоятельств, при которых совершалось преступление, позволяет судить о том, надеялся ли виновный на отклонение преступного результата или нет.

Таким образом, ознакомление с отдельными положениями исследования Г.Е. Колоколова, касающимися вопроса вины при покушении, дает возможность вернуться к вопросу ее авторской оценки при неосторожном посягательстве, если преступный результат не наступает из-за внешнего вмешательства.

Ученый полагал, что безрезультатная неосторожность и неосторожность, причинившая вред, находятся в таких же отношениях, какие существуют между покушением на преступление и оконченным деликтом¹⁵. Таким образом, Г.Е. Колоколов приходит к выводу, что неосторожное деяние, в результате которого не наступает преступный результат из-за вмешательства третьих лиц, должно признаваться неоконченным преступлением. Вместе с тем наказуемость неосторожной деятельности, по мнению автора учения, возможна лишь в тех случаях, когда такая деятельность завершена.

Дальнейшие рассуждения автора закономерно приводят его к вопросу об ответственности за «неоконченную неосторожную преступную деятельность». Поскольку несомненная способность лица нарушить общественный порядок (по Колоколову) является одним из критериев, определяющих опасность этой личности, постольку наказуемость неосторожных действий (в том числе и неоконченных) этого лица выглядит естественно¹⁶.

¹¹ См., напр.: Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. СПб., 1880. С. 44.

¹² Колоколов Г. Указ. соч. С. 212.

¹³ Колоколов Г. О соучастии в преступлении. М., 1881. С. 106–108.

¹⁴ Колоколов Г. Кучению о покушении. М., 1884. С. 216.

¹⁵ Там же. С. 220.

¹⁶ Речь в данном случае идет о неосторожной преступной деятельности при так называемой высшей форме неосторожности, выделяемой Г.Е. Колоколовым.

Подобные выводы были критически встречены в научной среде. Так, например, Н.С. Таганцев высказался следующим образом по поводу идей Г.Е. Колоколова: «Положение, правда, оригинальное, но, думается, совершенно несостоятельное: мы будем наказывать беспечность, легкомыслие, забывчивость, самоуверенность безотносительно к результатам, но как? За неосторожное убийство, увечье, повреждение имущества? На это автор не отвечает...»¹⁷.

Вопреки господствующей доктрине, Г.Е. Колоколов развивает идею наказуемости безрезультативной неосторожности, признает возможным покушение на неосторожные преступления, выстраивая свою теорию на основе психологической концепции «опасного состояния личности», отвергаемой большинством ученых. Между тем на последних страницах исследования, переходя к выводам, он странным образом резюмирует, что «из сферы применения понятия „conatus“ исключаются... все преступления неумышленные»¹⁸.

В монографии также представлены рассуждения Г.Е. Колоколова по вопросу о нака-

зуемости неоконченной преступной деятельности. Отстаивая позицию относительно способности лица на нарушение правового порядка, автор предлагает признавать наказуемыми «преступные попытки с негодными средствами». При этом автор признает, что неоконченная преступная деятельность ввиду превентивных задач права должна наказываться менее строго¹⁹.

В целом глава о наказуемости покушения видится общей. Однако, несмотря на это обстоятельство, следует признать, что исследование профессора Г.Е. Колоколова качественно обогащает отечественную уголовно-правовую науку, поскольку содержит оригинальную авторскую доктрину покушения на преступление, основанную на психологической концепции вины. В свете сказанного нельзя не отметить, что в плее дореволюционных ученых-криминалистов, сыгравших заметную роль в развитии уголовно-правовой науки, особое место принадлежит имени Г.Е. Колоколова. Многие идеи, отраженные в его трудах, спустя полтора века не утратили актуальности и по-прежнему востребованы при проведении научных исследований и в процессе нормотворчества в уголовно-правовой сфере.

¹⁷ Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. По изданию 1902 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum105/item905.html>

¹⁸ Колоколов Г. К учению о покушении. М., 1884. С. 223.

¹⁹ Там же. С. 228.

Литература

1. Колоколов Г. К учению о покушении / Г. Колоколов. М., 1884. 238 с.
2. Колоколов Г. О соучастии в преступлении / Г. Колоколов. М., 1881. 220 с.
3. Нигматьянова С.Ф. Стадии совершения преступления в уголовном праве России (XIX — начало XX вв.) / С.Ф. Нигматьянова, А.И. Сидоркин. Йошкар-Ола, 2006. 190 с.
4. Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений / А.И. Ситникова. М., 2013. 168 с.
5. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1 / Н.С. Таганцев. СПб., 1880. 178 с.
6. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. По изданию 1902 года / Н.С. Таганцев [Электронный ресурс] // URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item903.html>

Право как интенциональный объект и способ его познания в методологии юридической науки

*Поскачина Марина Никитична,
докторант Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
mposkachina@gmail.com*

Изучаемая юридическая проблема акцентирует значение феноменологической теории права как средство постижения конкретных результатов в развитии онтологических и гносеологических оснований юридической науки, которые, прежде всего, затрагивают возможные причины и условия появления новых методов, ранее мало известных или непризнанных в отечественном теоретическом правоведении.

Ключевые слова: феноменологический метод, интенциональность, система интенциональных понятий.

Law as Intentional Object and Method of Its Study in Legal Science Methodology

*Poskachina Marina N.,
Doctoral Student of the Saint Petersburg State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Study the legal problem emphasizes the phenomenological theory of law as a means of understanding concrete results in the development of the ontological and epistemological grounds of the science of law, which primarily affect the possible reasons and conditions of emergence of new methods, previously little known or unrecognized in Russian theoretical jurisprudence.

Key words: phenomenological method, intentionality, intentional system of concepts.

Право как предмет феноменологической теории права отличается тем, что оно представляет собой особый тип исследования по двум основным причинам: изучение права как феномена сознания и применение феноменологического метода как способа теоретического познания права. Одновременно эти причины, характеризующие феноменологическую теорию права, являются главными для объяснения права как интенционального объекта и его исследования посредством применения феноменологического метода. С одной стороны, подобное объяснение права отличает от его эмпирического познания, а, с другой — раскрывает специфику феноменологического метода как способа теоретического познания права, т. е. как научного метода.

Теоретическую основу изучаемого вопроса образует феноменологический тип понимания права, концепция которой формулируется в рамках философско-правового подхода. Данный подход предоставляет возможность рассматривать прежние феноменологические концепции права XX в. с двух точек зрения: монистический взгляд на фено-

менологию права¹ и плюралистический подход, включающий в себя ценностное понимание сущностного учения о феноменах в двух направлениях: методологическое, обусловленное исследованиями Г. Коинга, Х. Хубмана и М.Шелера, а также эйдетическое, предпринятое в исследованиях А. Райнаха и Н.Н. Алексева. Так, в исследованиях Г. Коинга, Х. Хубмана и М.Шелера феноменологический метод разворачивается в контексте абсолютных ценностей феноменологии. Эйдетические юридические исследования А. Райнаха и Н.Н. Алексева отражают их представление с точки зрения теории правовых эйдосов, представленной Э. Гуссерлем, Ф. Кауфманом, П. Амселек, Б. Вальденфельсом и С. Гойар-Фабр, которые считают ее предметом рефлексивного описания мира и его внутреннего источника в сознании.

¹ В советское время феноменологические исследования представлены в трудах М.К. Мамардашвили и Э.Ю. Соловьева. Они рассматривают мировоззренческий комплекс идей феноменологии, неокантианства и экзистенциализма и направили свою критику против господства этатизма в правопонимании, настаивали на возвращении праву гуманистических принципов.

Качественной стороной обеих направлений является то, что феноменологические исследования русских юристов сохраняют приверженность русской мыслительной традиции², а с другой — формируют синтез позитивизма и феноменологии, т. е. распространяют интенциональную форму сознания на право объективное³.

В этом движении проблема сознания осмыслена с позиций аналитической философии сознания, которая слабо связана с отечественной философией, представляя собой некую автономную сферу мышления. Обращая внимание на это, например, А.П. Золкин предлагает учитывать комплекс концепций Джона Сёрла, дающих возможность для теоретического обновления и методологической модернизации одного из направлений отечественной философско-правовой и теоретико-правовой мысли, связанности с развитием идей одного из крупнейших представителей петербургской школы права Л.И. Петражицкого⁴. Однако в сфере права эта проблематика связана с правовым сознанием, в котором отражаются правовой взгляд и правовая оценка относительно общественных отношений и их оценки в сознании людей. И, называя совокупность правовых взглядов правовым сознанием, мы имеем дело с одной из форм общественного сознания, т. е. с правовым сознанием, которое отражает право как социальное явление.

В противоположность ему интенциональное сознание формирует интенциональные акты сознания и имеет трансцендентальную форму, включающую в себя основные феноменологические понятия. Данное сознание ограничено непосредственной интуицией,

т. е. очевидностью, использующей метод прямого интуитивного созерцания сущностей, т. е. идеации. В результате интенциональное сознание формирует идеальную сущность права, т. е. его онтологию. Феноменологическая онтология права представляет собой познание права посредством предоставленных феноменологических возможностей. Соответственно, она предшествует познанию права в объективной действительности, т. е. существует субъективная реальность, отличающаяся от правовой реальности тем, что в рамках юридического позитивизма собственную реальность права образует идея позитивного права, и она становится методологическим приемом исследования общих закономерностей права.

Таким образом, феноменологическая онтология права исследует три основные закономерности развития феноменологического опыта: отношение к интенциональной структуре как отдельных переживаний сознания, так и коллективных, выступающей в качестве предмета теории права, смысловое измерение феноменологических понятий, связь таких переживаний через мотивацию. Полагая, что это содержание интенционального сознания образует предмет феноменологического типа понимания права, считаем, что его правовая концепция состоит из двух уровней: методологический уровень включает в себя феноменологические процедуры, посредством которых субъект погружается в воспоминание о праве, и теоретический уровень включает в себя представление о праве с позиций трансцендентальной феноменологии, представляющей собой особый способ приближения «к самим вещами через воссоздание непосредственного смыслового поля между сознанием и правовыми явлениями. Созданная Э. Гуссерлем концепция чистого сознания обращена к феномену сознания, подчеркивая тем самым его интенциональность, т. е. направленность на предмет, рассматривает созерцание как источник познания, выявляет когнитивные функции «наивного» обыденного сознания и «жизненного мира». И эта область знания, располагающая феноменологическим опытом и феноменологическими идеями, в сфере права дает возможность рассматривать право как интенциональный объект, что отличает его от позитивистского понимания. В целом в научной литературе предлагается пять таких способов: научное понимание, правопонимание в системе юридического знания, типы правопонимания в современной теории пра-

² Представители первого направления, В.В. Бибихин и И.Н. Грязин, рассматривают феноменологию как теоретико-методологическое основание интегративного правопонимания. Представители второго направления, Д.И. Невжай, В.В. Пермяков, С.И. Максимов, рассматривают феноменологическое учение о жизненном мире в качестве предпосылки онтологических и гносеологических оснований современной теории и философии права.

³ Коммуникативные и герменевтические теории права даны в трактовке П. Рикера, Ю. Хабермаса, А.В. Полякова и И. Л. Честнова.

⁴ Золкин А.П. Отечественная натуралистическая и феноменологическая теория права и современная аналитическая философия сознания // Философия сознания: аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения : материалы Международной научной конференции философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, 6–7 ноября 2009 г.) : сб. науч. ст. М., 2009. С. 94.

ва, понимание права как познавательная деятельность и методологический поиск синтеза типов права⁵. Но, учитывая, что понятие и понимание права взаимосвязаны, различающиеся по вышеуказанным способам его познания, то феноменологический тип понимания права есть метафизический способ понимания права, основанный на метафизических представлениях о реальности феноменов, согласно которым воспоминание о праве есть первая реальность, определяющая существование права как социального явления.

Следовательно, право как интенциональный объект представляет собой опыт «первого лица», дающий нам представление о праве как социальном явлении вне поля зрения натурализма. Право предстает как феномен сознания, который наделен иной сущностью, учитывающей, что окружающий мир — не просто мир фактов, но также мир духовных сущностей — чистых форм, абсолютных истин, ценностей, которые конституируют его и непосредственно даны как его фактуальность. Познание этой сущности происходит чисто феноменологически, и потому сам процесс познания имеет форму научного эссенциализма. Данный опыт является теоретической основой опыта юридического, и тем самым он предшествует ему. Раскрытию содержания права как интенционального объекта способствует система феноменологических понятий, возглавляемая понятием «феномен». Эти понятия в целостном виде — выступают в качестве предметно-мыслеобразующих актов феноменологического опыта. Они делятся на два самостоятельных ряда в контексте естественной и феноменологической установок, а также между интенциональным актом, смыслом и предметом⁶. К числу первого ряда мы относим понятия «эйдос», «чистая структура», «чистая форма», «идеальная конструкция», «ноэзис» и «ноэма», выражающие содержание сознания как интенциональности или

созерцания. Ко второму ряду понятий относим разработанные в каждой науке в отдельности на общей основе, но указывающие, что понимание сознания другого может конституироваться посредством апперцепции (осознанного восприятия) по аналогии, что позволяет субъективности расширяться до *интерсубъективности*. Понятие «интерсубъективность» в теории права используется как принцип, устанавливающий связь между субъективными и объективными сторонами правовой реальности. В ней интерсубъективное конструирование «другого» и сообщества предполагает выход за пределы «Я», связь с другими «Я». Это означает, что интерсубъективное конструирование другого осуществляется посредством вчувствования — другой переживается эго в форме *альтер эго*. Последнее служит основанием для интерсубъективной природы и мира, а также для интерсубъективного бытия предметной области юридической науки, для которой феноменология на основе принципа очевидности и феноменологических редукций исследует и приводит в систему априорное в сознании, задавая тем самым основные понятия наукам. Это знание о феноменологическом типе понимания права становится неотъемлемой частью научного знания о праве, выделяясь как юридико-феноменологическое знание, т. е. как специальное юридическое знание о феноменологии права.

Данное знание включает в себя информацию и о феноменологическом методе как способе теоретического познания права и тем самым относящееся к методологии юридической науки, в которой представлены все основные принципы изучения права. Если в XVII в. научное познание мира остается в рамках классической метафизики, то к XIX в. все это остается в качестве философского контекста научного прогресса, и начинают развиваться антиметафизические течения. Это подтверждают позитивистские идеи о науке XIX–XX вв., которые способствовали разрушению прежней картины мира. Сначала логические позитивисты поставили под сомнение механистическую методологию, затем выдвинули проблему разработки новых методологических оснований науки: строение и структура научного знания; характер отношений между научными высказываниями на эмпирическом и теоретическом уровнях и т. п. Подобная ситуация сохраняется до конца XX в., когда на смену неопозитивизму пришел постпозитивизм. При этом остается нерешенной проблема понимания

⁵ Юшко А.В. Понимание права: теоретико-методологический аспект. С. 8.

⁶ Другие проблемы феноменологического сознания Э. Гуссерля (различие эмпирического и чистого сознания, различие между интроспекцией и феноменологической рефлексией, различие трансцендентального и объективного описания субъективности, различие в понимании субъекта и разума у Канта, Гегеля и Гуссерля) полностью относятся к сфере философии и теории познания вообще, поэтому они не могут быть объектом настоящего рассмотрения.

научного метода. Например, относительно развития представлений о научном методе можно согласиться с выводами В.К. Лукашевич, полученными им в результате анализа научной методологии 60-х гг. XX века. Автор считает, что интенсивность философско-гносеологических исследований проблем метода еще не находится в оптимальной связи с питающими ее фактами из конкретно-научных областей, определяясь преимущественно динамикой общефилософской тематики. Период с середины 1970-х и до середины 1980-х гг. не заполнен сколь либо значительными отечественными публикациями. Предшествующие ему 10–15 лет и последующий, т. е. современный, период, отличаясь в этом плане в лучшую сторону, отмечены своими трудностями и нереализованными возможностями в главном — достижении стабильной сопряженности между философско-гносеологическим и конкретно научным направлениями исследования проблем метода. О ее отсутствии свидетельствует тот факт, что нелинейные методы, несмотря на их растущее значение в современном научном познании, не стали предметом философско-методологического анализа в 1960-е г.⁷ В.К. Лукашевич отмечает содержание и познавательную ценность определений метода, выделяя проблемы методологической концептуальности, структуры научного метода и рассмотрения различных концепций научного метода. По его мнению, содержание наиболее часто встречающихся определений понятия «научный метод» может создать видимость, что оно относится к числу тех компонентов познавательной деятельности, о которых без особого труда можно выработать исчерпывающее представление. Однако это видимость время от времени подкрепляется личным опытом исследовательской работы, исчезает при сопоставлении даже получивших наиболее широкое распространение определений. Считает, что исследование структуры научного метода, как и выяснение наиболее общих закономерностей его обоснования, предметным знанием продиктовано не только и не столько потребностями внутри гносеологической рефлексии, желанием достичь стройности тех разделов теории познания, где требуется понятийно-терминологическая четкость при описании генезиса и сущности различных видов нор-

⁷ Лукашевич В.К. Основы методологии научных исследований: учеб. пособие для студентов вузов / В.К. Лукашевич // Издательство: Мн. : ООО «Элайда», 2001. 104 с.

мативного знания. Оно актуально и в практическом плане — в контексте конкретно-научной познавательной деятельности, периодически создающей необходимость философско-методологического переосмысления сложившихся в ней представлений об особенностях системной организации познавательного осваиваемых объектов и степени адекватности используемых методов.

Описывая разнохарактерные методологии исследования концептуальных проблем, В.К. Лукашевич выявляет характерные для них черты: для ранних рационализма и эмпиризма методологическую основу составляла фундаментальная философская посылка о необходимом соответствии всех рациональных построений их своеобразным параллелям в природе; на определенном этапе эволюции этих течений, точнее в рамках объективного идеализма Гегеля и субъективного идеализма в лице его основоположников Беркли, Юма, она была радикально пересмотрена.

Исходя из этих философских полаганий, автор делает вывод о том, что ведущее значение придавалось тому, что косному, пассивному природному началу противостоит как активное, деятельное, избирательное — абсолютная идея, ощущение, субъективный опыт. В этой связи он прогнозирует, что дальнейшая эволюция методологических ориентиров должна быть связана с включением в методологические принципы все более широкого круга идей, отражающих социокультурные, прагматические, социально-политические и другие факторы познавательной деятельности. Поэтому данный процесс рассматривается им как закономерная реакция на малодинамичный образ метода, индуцируемых идеей о необходимом соответствии всех рациональных построений их параллелям в природе⁸.

Это означает, что предложенная автором структура научного метода, включающая генетические и функциональные связи предметно-концептуального, операционально-нормативного и логического элементов, вполне может рассматриваться в качестве эмпирической основы анализа феноменологического метода как способа теоретического познания права, т. е. научного метода с учетом ранее полученных достижений в этой области: это обусловленное методологией эмпиризма раннего периода представление о научном методе основано на признании его концептуального элемента; эта мыслимая и обнаруживаемая в эмпиризме обусловлен-

⁸ Там же. С. 7, 26, 69, 70.

ность научного метода определяется особенностями исследуемой реальности⁹.

С этих позиций феноменологический метод как способ теоретического познания права представляет собой концептуальный анализ метафизических представлений о реальности феноменов, заданных в философских, социологических и правовых текстах, интерпретируемых посредством языка права и юридического дискурса. Соответственно, понятие «феноменологический метод» есть результат осмысления в отечественном теоретическом правоведении концептуальных положений феноменологической методологии, являющейся методологией западной науки начала XX века, которая в первой половине XX столетия развивается под влиянием неопозитивистской программы анализа познавательной деятельности. Применение теоретических положений феноменологической методологии в юридической науке обусловлено необходимостью теоретического осмысления существующей проблемы соотношения философии и науки двояким образом: монистический взгляд на право и трансцендентальный поворот к науке XX в. В первом случае речь идет о том, что фундаментальные вопросы взаимодействия философии и науки подчинялись установкам марксистской идеологии: это есть трактовка предмета философии как учения об общих (всеобщих) законах природы, общества и мышления¹⁰, означающего практическое

понимание философии как науки об общих понятиях, поставляющей окончательные решения; и необходимость различения философии и науки¹¹. Во втором случае обсуждается проблема о том, что философия не просто берет свойства бытия и отдельно свойства мышления, но исследует их во взаимоотношении, а если ставить вопрос радикальнее и точнее, в аспекте их тождества, — это есть трактовка проблемы диалектики как логики, что является конкретизацией подхода к предмету философии как выражению бытийно-мыслительного тождества¹².

крытие общих закономерностей, например, законов тяготения, инерции и т. п.? Точно так же обстоит дело и в области знания об обществе и науках о мышлении. Помимо этого, каждая научная дисциплина познает и формулирует определенные общие свойства и законы своей области. Это означает, что в качестве общих могут выступать достаточно узкие характеристики природных, социальных и мыслительных процессов, присущих лишь ограниченному кругу явлений, некой специальной сферы объектов. Как пишет А.К. Сухотин, философия «превращается в одну из конкретных наук, занимающихся частными проблемами», поскольку «претензия на знание общих законов неминуемо выдает желание разделяющих подобный взгляд на философию как науку, призванную быть универсальной отмычкой в решении проблем, возникающих перед конкретными науками» (см.: Сухотин А.К. П.В. Копнин: научные идеи и жизнь // Павел Васильевич Копнин / под ред. М.В. Поповича. М.: РОССПЭН, 2010. С. 12, 13).

⁹ Обоснованный в диалектике Г.В.Ф. Гегеля логический элемент абсолютизирует логическое содержание метода, а ранний операционализм преувеличивает значение операционального элемента. Представители более поздних школ отмечают интенцию на расширение контекста исследования (неорационализм, операциональный реализм) с акцентом на анализе взаимосвязей и взаимодействий концептуального и операционального элементов метода. Таким образом, общее представление о структуре научного метода с исторических позиций его развития включает в себя концептуальный, операциональный и логический элементы.

¹⁰ Эта установка, идущая от Ф. Энгельса, считалась обязательной и единственно правильной. В самом деле, если принять философию за описание общих (всеобщих) законов природы, то чем тогда философия отличается от естествознания, которому не чуждо от-

¹¹ По убеждению П.В. Копнина, ссылка на общие законы природы, общества и мышления как предмет философии еще не выявляет ее специфики. Определяя философию, по его мнению, необходимо исходить из ее основного вопроса — отношения мысли к бытию, духа к природе, человеческого знания к действительности. Он подчеркивал, что «философия начинается с того момента, когда ставится вопрос об отношении бытия и мышления» (см.: Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С. 27).

¹² В трактовке М. Хайдеггера язык как дом бытия и мысль является свободным, и в этой свободе и благодаря ей имеется возможность выполнить свое призвание, суть которого состоит в обретении «старницы» мысли, т. е. ее старого русла. Только в ней течение мысли и обретает полный смысл, поскольку приходит в исконное соответствие с бытием («подручным» окружением), в рамках которого старое русло позволяет отыскать не что иное, как язык. Язык для Хайдеггера выступает пристанищем всех онтологических смыслов в философии и главным предметом онтологии.

Литература

1. Золкин А.П. Отечественная натуралистическая и феноменологическая теория права и современная аналитическая философия сознания / А.П. Золкин // Философия сознания: аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения : материалы Международной научной конференции философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, 6–7 ноября 2009 г.) : сб. науч. ст. М., 2009. 239 с.
2. Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию / П.В. Копнин. Киев, 1966. 288 с.
3. Сухотин А.К. П.В. Копнин: научные идеи и жизнь / А.К. Сухотин ; под ред. М.В. Поповича. М. : РОССПЭН, 2010. 295 с.

Политика и судебная система в Амударьинской области в 1920–1924 гг.

*Жуманиязов Дамир Кууатбаевич,
старший научный сотрудник-соискатель,
Каракалпакского государственного университета
jumaniyazov.damir@mail.ru*

В этой статье рассматриваются вопросы политико-военного и судебного положения Амударьинской области Туркестанского края 1920–1924 гг. Автор отмечает руководящую роль революционного трибунала в первые годы деятельности судебной системы в области и приводит свидетельства о его работе.

Большое значение имеют выводы, основанные на анализе работы революционного трибунала и аппарата советской власти Амударьинской области, характеризующие деятельность новой власти в Каракалпакстане. Действительно, делопроизводство велось на русском языке, не хватало специалистов-юристов, не была начата подготовка юристов из среды местных национальностей.

Поэтому, подытоживая анализ деятельности судебной системы Амударьинской области в 1920–1924 гг., автор приходит к заключению, что настоящая судебная система в Каракалпакстане начала создаваться только с момента восстановления национальной государственности каракалпакского народа Каракалпакской автономной области.

***Ключевые слова:** Амударьинская область, отсутствие квалифицированных сотрудников, ревтрибунал, амнистия, областная рабоче-крестьянская инспекция, областной суд.*

Politics and Judicial System in Amu Darya Region in 1920–1924

*Zhumaniyazov Damir K.,
Senior Research Scientist, Degree-Seeking Student
of the Karakalpak State University Named After Berdakh*

This article examines the issues of the politico-military and judicial situation of the Amudarya region of the Turkestan Territory in 1920–1924. The author notes the leading role of the Revolutionary Tribunal in the first years of the judicial system in the region and cites evidence of its work.

Of great importance is the conclusion based on an analysis of the work of the Revolutionary Tribunal and the apparatus of the Soviet government of the Amu Darya region, characterizing the activity of the new government in Karakalpakstan. Indeed, office work was conducted in Russian, there were not enough lawyers, the preparation of lawyers from among local nationalities was not started.

Therefore, summing up the analysis of the judicial system of the Amu-Darya region in 1920–1924, it comes to the conclusion that the real judicial system in Karakalpakstan began to be created only with the restoration of the national statehood of the Karakalpak people of the Karakalpak autonomous region.

***Key words:** the Amudarya region, lack of qualified staff, revolutionary tribunal, amnesty, regional worker-peasant inspection, regional court.*

Политико-военное и судебное положение Амударьинской области в 1920–1924 гг. было крайне тяжелым. В самом деле, если остальные области Туркестанской республики имели регулярную связь с центром, благодаря железной дороге и занятию более выгодно географического положения, а следовательно более развитую промышленность, то все это отсутствовало в Амударьинской области. Слишком большая оторванность от центра и плохие пути сообщения и еще более плохие пути сношения (телеграф) создали естественную пробку, которая тормозила развитие экономической мощи области. Область в полном смысле слова была замкну-

та и не имела выхода — более рационального и выгодного сбыта продуктов сельского хозяйства. Это, конечно, отражалось на развитии сельского хозяйства, которое было, к слову, очень примитивным и вследствие этого требовало колоссальной затраты труда. Граничащие с областью рынки не могли вывести область из состояния застоя, как, например, рынок Хорезмской республики находился точно в таком же положении, как и рынок Амударьинской области, — товарообмен между названными территориями был крайне незначителен.

Область до 1917 г. производила хлопок, и хлопковая культура имела тенденцию раз-

вития при условии правильного функционирования дешевого водного транспорта. Сокращение хлопковой культуры в период 1917–1920 гг. в конечном результате обратило область из потребителей в производящую хлебные культуры, что при полной изолированности области создало ненормальные экономические взаимоотношения.

Указанные причины, безусловно, отразились на построении советского аппарата и главным образом на его работе. Здесь необходимо отметить, что из-за оторванности построение советского аппарата шло крайне ненормально и зачастую принимало уродливую форму, а это побуждало отделы работать без определенных предначертаний, так как последние благодаря постоянному переформированию были недолговечны — преемственность в работе отсутствовала, и только в 1921 г. аппарат области начинает крепнуть и принимать определенную форму.

Отделы во главе с Облисполкомом вылезли из рамок уезда и начали работать, правда, крайне слабо из-за внутренней оторванности в областном масштабе. Область не была районирована по своему этнографическому составу, а это насколько жизненный вопрос, что требовало немедленного разрешения, не редки были случаи, когда отдавались распоряжения, диаметрально противоположные укладу жизни.

Анализ деятельности Областного исполнительного комитета свидетельствует, что неурегулированность взаимоотношений с центром Туркестанской республики, отсутствие твердой схемы построения советского аппарата и порядка соподчиненности отделов породили автономию и патриотизм последних. Из-за отсутствия квалифицированных сотрудников советского аппарата, в том числе судебных систем, произошло бессистемное расходования местных средств.

«Научное понятие диктатуры» с ее «ничем не ограниченной, никакими законами, никакими абсолютно правилами» властью реализовалось на практике сразу же после Октября. Были ликвидированы суд и вся система правосудия. Их заменили ревтрибуналы, которые судили на свой, чисто классовый лад, а именно на основании «пролетарской совести и революционного самосознания». К этому добавился практически неконтролируемый самосуд.

Декрет, восстановивший смертную казнь, считал активными контрреволюционерами «непричастельских агентов, спекулянтов, гро-

мил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов», кои все подлежали «расстрелу на месте»¹.

Далее этот список стал быстро расширяться: в него были включены саботажники и прочие «паразиты», причем ревтрибуналы по указанию Наркомата юстиции РСФСР от 22 февраля 1918 г. «не связаны никакими ограничениями в выборе мер борьбы»².

За первую треть 1923 г. в ревтрибунал Амударьинской области поступило 50 дел, из них 25 дел общеуголовного характера и 24 дела — преступления по должности (взяточничество).

Судебных заседаний состоялось 17, распорядительных заседаний было 9, 17 дел было закончено на распорядительных заседаниях в порядке прекращения или по амнистии.

По двум делам: об убийстве Турткульского кладбищенского сторожа и об убийстве сотрудника уголовного розыска, пять обвиняемых были приговорены судом к расстрелу, приговоры были утверждены Кассационной коллегией НКЮ и приведены в исполнение.

С 1 по 16 апреля 1923 г. состоялись заседания выездной сессией в г. Чимбае, всего было 10 судебных заседаний. Обвинялся 41 человек, в большинстве своем за взяточничество, из них 37 человек были приговорены судом к лишению свободы сроком от одного года до пяти лет.

Продовольственный трибунал Амударьинской области за это время провел 18 заседаний. Амнистия в честь пятой годовщины Красной армии была применена по отношению к 18 лицам³.

Областная рабоче-крестьянская инспекция не имела в своем распоряжении необходимого штата и денежных средств, что пагубно отражалось на работе. Штат, установленный НКВД для Областной рабоче-крестьянской инспекции, должен был состоять из девяти человек, а фактически в январе и феврале 1923 г. было семь человек, в марте — шесть человек, в апреле — три человека и в мае — четыре человека, причем один инспектор находился в Ташкенте на операционном лечении, и таким образом, в мае 1923 г. весь штат РКИ состоял из одного временного уполномоченного по совместитель-

¹ Из истории ВЧК. 1917–1921. М., 1958. С. 95.

² Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 44. С. 536.

³ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 751. Л. 95–98.

ству, одного инспектора и одного рассыльного-уборщика.

С 1 января по 22 мая 1923 г. было произведено пять плановых ревизий: Коммунального хозяйства, «Кожтреста», Комитета помощи голодающим, Здраводела, Продмагазина, Военкома.

Изложенное достаточно ярко обрисовывает работу отделов и еще более ярко — административно-хозяйственную жизнь Амударьинской области. Анализируя деятельность революционных трибуналов Амударьинской области, отметим, что злободневные вопросы Амударьинской области — землепользование, народное здравоохранение, народное просвещение, вопрос пользования лесными дачами, вопрос о границах с Туркестанской республикой и Хорезмской республикой, вопрос внутриобластной связи с центром Туркестанской республики — не были решены. Финансовое положение Амударьинской области находилось в крайне критической ситуации.

Руководители Амударьинской области просили вышестоящие органы Туркестанской республики о нижеследующем:

1) для того чтобы Амударьинская область развилась в качестве самостоятельной административно-хозяйственной единицы, необходимо урегулировать связь с центром республики;

2) свернуть советский аппарат в пределах необходимости при непереносимом условии равновесия расходов на оплату труда и операционные нужды;

3) необходимо районирование области на предмет сокращения административных единиц в уезде;

4) разрешить вопрос о границах с Хорезмской республикой;

5) урегулировать за счет государственного бюджета вопрос землепользования и пользования лесными дачами;

6) необходима дотация для поднятия на должную высоту народного образования и здравоохранения.

Только при регулярной финансовой поддержке область может развиваться в качестве самостоятельной административно-хозяйственной единицы.

Областной суд Каракалпакской автономной области начал функционировать 24 ноября 1924 г. В качестве суда второй инстанции он рассматривал дела подведомственных ему народных судов, а в качестве суда первой инстанции — отведенные к его ведению наиболее сложные и важные дела.

Этот суд, будучи служебным центром области, выступал не только и не столько в качестве надзорной инстанции, сколько осуществлял непосредственное управление всеми органами юстиции: судами, следственными органами, нотариатом, судебными исполнителями, коллегией защитников, судебными переводчиками.

В состав судебно-следственных органов области входили пять следственных камер и девять участков нарсудов: два в Турткуле, в селе Шайхабад, в урочище Тамды, два в Чимбае, в поселке Муйнак, а также в городах Кунграде и Ходжейли⁴. Как правило, облсуд вел делопроизводство на русском языке, а нарсуды, за исключением нарсуда 1-го участка г. Турткуля, — на языке коренного населения.

Национальный состав областного суда на 1 декабря 1924 г. был следующим: из 17 сотрудников облсуда русских было 12, 1 туркмен, 2 киргиза (казаха), прочих национальностей — 2. Партийная прослойка была представлена лишь двумя членами партии: председатель облсуда и его заместитель⁵.

Таким образом, в 1920–1924 гг. судебная система Амударьинской области переживала сложный период и только после восстановления национальной государственности каракалпакского народа обрела новые формы.

⁴ ЦГА РК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 694. Л. 13.

⁵ ЦГА РК. Ф. 67. Д. 257. Л. 57.

Литература

1. Из истории ВЧК. 1917–1921. М., 1958. 511 с.
2. Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 44. 1292 с.
3. ЦГА Республики Узбекистан. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 751. Л. 95–98.
4. ЦГА РК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 694. Л. 13.
5. ЦГА РК. Ф. 67. Д. 257. Л. 57.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в источниках русского права X–XVIII вв.

Сквозников Александр Николаевич,
доцент кафедры теории и философии права
Самарского государственного экономического университета,
кандидат исторических наук, доцент, магистр юриспруденции
skvoznikov2003@mail.ru

Статья посвящена изучению формирования и развития в российском праве такого института, как обстоятельства, исключающие преступность деяния. Автор на основе анализа источников русского права выявил определенную историческую преемственность в развитии таких институтов уголовного права, как необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, причинение вреда во исполнение приказа или распоряжения.

Ключевые слова: древнерусское право, Русская Правда, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, причинение вреда во исполнение приказа.

Crime Excluding Circumstances in Russian Law Sources in the X–XVIIIth Centuries

Skvoznikov Aleksandr N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Law
of the Samara State University of Economics,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Master of Laws

The article is devoted to the study of the formation and development in the Russian law of such an institution as circumstances that exclude the criminality of the act. The author, on the basis of the analysis of sources of Russian law, revealed a certain historical continuity in the development of such criminal law institutions as necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, extreme necessity, causing harm when detaining the person who committed the crime, causing harm in execution of the order.

Key words: the Old Russian law, the Russian Truth, necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, extreme necessity, causing harm when detaining the person who committed the crime, causing harm in execution of the order.

Научный и практический интерес представляют правовая природа и законодательная регламентация обстоятельств, при наличии которых деяние, формально содержащее признаки преступного посягательства, не признается таковым. К числу этих обстоятельств Уголовный кодекс РФ 1996 г. относит необходимую оборону (ст. 37 УК), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК), крайнюю необходимость (ст. 39 УК), физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК), обостренный риск (ст. 41), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК)¹.

Целью нашей статьи является изучение исторического развития обстоятельств, ис-

ключающих преступность деяния, на основе анализа источников русского права X–XVIII вв. Одним из таких обстоятельств являлась необходимая оборона. Зачатки этого института в форме обороны собственного имущества можно обнаружить в русско-византийских договорах X века. Так, в ст. 6 договора князя Олега с Византией 911 г. закрепляется право защищать свое имущество от преступного посягательства путем причинения вреда злоумышленнику: законодатель допускает причинение смерти вору, застигнутому в момент совершения им кражи. Приведем дословно текст ст. 6: «Аще украдет Русин что любо у Христианина или паки Христианин у Русина, и ят будет в том часе тать, егда татьбу сотворил, от погубившаго что, любо аще приготовится, татьбу творяй, и убиен будет; да не възыщется смерть его, ни от Христиан, ни от Руси, но паче убо возмет свое, еже бу-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

дет погубил. Аще даст руже свои украды, да ят будет тем же, у негоже будет украдено, и связан будет, (и) отдаст то еже еме створити, и сотворит тричи»². Толкование этой статьи вызвало оживленную дискуссию. Исследователи древнерусского права, в частности И.Ф.Г. Эверс, И.В. Михайловский, Н.С. Таганцев, М.Ф. Владимирский-Буданов, полагали, что в данном случае говорится о дозволенном убийстве вора лишь при его сопротивлении³. Наибольшие споры вызвало толкование словосочетания «аще приготовится татьбу творяи и убиен будет», которое одними авторами трактовалось как сопротивление вора задержанию⁴, другими — как подготовка к совершению кражи. Например, в тексте русско-византийского договора 911 г., переведенного с древнерусского языка академиком Д.С. Лихачевым, выражение «аще приготовится татьбу творяи и убиен будет» трактуется как «если приготовится вор красть и будет убит»⁵. Здесь не идет речь о его сопротивлении.

Некоторые исследователи уголовного права древнерусского государства полагали, что в случае с убийством вора речь идет не о самообороне, а о мести со стороны собственника вещи лицу, посягающему на его имущество. В частности, В.И. Сергеевич отмечал, что «в древнее время не могло существовать необходимой обороны как особого юридического института, потому что месть как более обширное понятие заключала в себя и право самообороны»⁶.

В свою очередь, известный российский исследователь древнерусского права Р.Л. Хачатуров справедливо отмечает, что месть следует понимать как «право данного ро-

да причинить виновнику в смерти или увечье своего члена аналогичный вред или потребовать от его рода материальной компенсации»⁷.

Таким образом, в случае с убийством вора в момент совершения кражи логичнее говорить не о мести вору, а о необходимой обороне. Поскольку целью обороны является защита своего права от преступного посягательства, в то время как целью мести является кара за совершенное деяние («обиду»). В данном случае мы видим только попытку совершения кражи, которая пресекается собственником вещи в форме причинения смерти вору.

В дальнейшем норма о необходимой обороне собственности нашла закрепление и в Русской Правде. В частности, в ст. 38 Краткой редакции говорится о правомерном убийстве вора, проникшего ночью на чужой двор: «Аще убьют татя на своем дворе, любу у клети, или у хлева, то тои убит; аще ли до света держать, то вести его на княж двор; а оже ли убьют, а люди будут видели связан, то платити в нем»⁸. Данная норма по сравнению с аналогичной нормой русско-византийского договора дополняет объективную сторону преступления — указывает на время и место совершения кражи или покушения на кражу. При этом убийство задержанного и связанного вора являлось правонарушением по Русской Правде. Оно квалифицируется одними исследователями как самоуправство, другими — как превышение пределов необходимой обороны.

Следует отметить, что в древнеримском праве по законам XII таблиц убийство ночного вора также считалось правомерным. Кроме того, можно было убить вора, совершившего кражу днем и оказавшего вооруженное сопротивление при поимке⁹. В Древнем Риме, где необходимая оборона признавалась естественным правом, присущим человеку, сложилась поговорка, наглядно отражавшая господствующие в праве взгляды того периода на необходимую оборону: «Лучше предупредить опасность собственными силами,

² Договор Руси с Византией 911 г. // Памятники русского права : в 35 т. Т. 1 : Памятники права Древней Руси : учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2013. С. 409.

³ Понихин Ю.М. К вопросу о становлении института необходимой обороны в русском уголовном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2012. № 2 (84). С. 15.

⁴ Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. 103; Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 69; Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. И. Платонов. СПб., 1835. С. 169–170.

⁵ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1999. 668 с.

⁶ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред., предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 264.

⁷ Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия. Т. III. Тольятти, 2004. С. 319.

⁸ Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова ; отв. ред. В.А. Янин. М., 1981. С. 49.

⁹ Законы XII таблиц. Таблица VIII, ст. 12, 13 [Электронный ресурс] // URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975>

чем потом обиженному прибегать к помощи суда»¹⁰.

К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, Русская Правда относит такое состояние лица, при котором его воля и сознание были временно парализованы вследствие нанесения ему тяжкого оскорбления потерпевшим. Такое состояние можно сравнить с современным пониманием аффекта в уголовном праве. В соответствии с нормой ст. 25–26 Пространной редакции не являлся преступлением удар мечом, нанесенный потерпевшим своему обидчику в ответ на оскорбление в форме удара подручным предметом (батоном, чашей, рогом) или рукой (ладонью)¹¹.

Вместе с тем спорным остается вопрос о том, что являлось основанием для исключения данного деяния из числа противоправных. Это могло быть как особое психоэмоциональное состояние лица, вызванное оскорблением и выразившееся в неспособности контролировать свои действия, так и признаваемое в то время государством право потерпевшего отомстить обидчику за нанесенное публичное оскорбление действием, как полагает А.В. Хачатрян¹².

Определенные признаки состояния аффекта можно усмотреть также в норме ст. 22 соглашения Смоленска с Готским берегом XIII в., которая устанавливала правомерность убийства мужем застигнутого вместе с женой прелюбодея: «Оже имуть Русина вольного у волное жены в Ризе или на Гътьском березе, оже убьютъ, и тѣт убит...»¹³. Эта статья находит аналогию в тексте Закона Градского, известного на Руси по кормчим книгам, который предоставляет мужу право убить прелюбодея, застигнув его на месте преступления. В этом случае явно подразумевается особое

психоэмоциональное состояние лица, совершившего убийство.

В Московском государстве в XVI веке обстоятельствами, исключающими преступность деяния, признавались необходимая оборона и крайняя необходимость. Определенные признаки этих институтов можно найти в Литовском статуте 1588 г., некоторые нормы которого были включены в Указные книги приказов и использовались в правоприменительной практике Московского государства. При необходимой обороне защищавшийся был вправе причинить смерть лицу, намеревавшемуся убить его. Для признания необходимой обороны правомерной требовалось соблюдение двух условий: оборонявшийся и убитый не должны были ранее находиться в ссоре («побранке»), оборонявшийся должен был после произошедшего незамедлительно явиться к воеводе и изложить ему все обстоятельства дела¹⁴.

Действием в обстоятельствах крайней необходимости, по Литовскому статуту 1588 г., можно признать убийство человеком без применения огнестрельного оружия нападающей на него собаки¹⁵. Впоследствии эта норма была включена в X главу Соборного Уложения 1649 г. Еще одним обстоятельством, исключавшим преступность деяния, в Литовском статуте 1588 г. являлось причинение смерти преступнику (вору) при его задержании во время погони¹⁶. Важнейшими условиями, освобождающими от ответственности, в данном случае являлись сопротивление преступника задержанию и наличие нескольких свидетелей.

Следующим этапом в развитии исследуемого нами института стало принятие Соборного Уложения 1649 г.

Обстоятельствами, исключавшими преступность деяния, в Уложении также являлись необходимая оборона, причинение вреда при задержании преступника, крайняя необходимость.

Необходимая оборона (X, 105, 200, 201; ХХТ, 88, 89) допускалась от посягательств на личность и имущество. Закон не предполагал обязательной соразмерности защиты характеру и степени общественной опасности

¹⁰ Кобец П.Н. Институт необходимой обороны — один из первых уголовно-правовых институтов // Символ науки. 2015. № 4. С. 158.

¹¹ Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку) // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Ч. 1 : учебное пособие / сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 42.

¹² Хачатрян А.В. Ретроспективная юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте // Памятники российского права : в 35 т. Т. II : Памятники права удельной Руси : учебно-научное пособие / под ред. Р.А. Хачатурова. М., 2013. С. 262.

¹³ Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230–1270 гг. // Памятники русского права. Вып. 2 : Памятники права феодальной раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1953. С. 136.

¹⁴ Рожнов А.А. Уголовное право Московского государства (XIV–XVII вв.) : учебно-методическое пособие. Ульяновск, 2007. С. 42.

¹⁵ Статут Великого княжества Литовского 1588 г. Раздел XIII. Артикула 13. [Электронный ресурс] // URL: http://starbel.narod.ru/statut1588_13.htm

¹⁶ Там же.

посягательства, не говорил о превышении пределов необходимой обороны, поэтому правомерными были как ранение нападавшего, так и его убийство. В то же время Уложение предписывало, чтобы лицо, причинившее смерть нападавшему, немедленно предъявило труп «окольным людям» и затем сообщило о случившемся в государственные органы для проведения расследования. С учетом специфики общественного строя Московской Руси Уложение указывало, что холоп обязан был защищать своего господина и освобождался от ответственности, если, «обороняя того, кому он служит», убивал или ранил нападавшего (XXII, 16, 21). Лицо, начавшее драку и получившее от оборонявшегося увечье, было не вправе претендовать на возмещение вреда здоровью, «по тому, что тот раненый сам неправ».

Задержание преступника (татья) излагалось в Уложении в виде двух казусов (XXI, 88, 89). Согласно первому, тать не оказывал сопротивления при задержании и вместе с поличным доставлялся в приказ. Во второй ситуации тать, не давая себя «изымати», начинал «драться», и его задержание, таким образом, перерастало в необходимую оборону. В этом случае преступник мог быть ранен или убит. Однако, для того чтобы «от того убийства свободится», задержавшее тать лицо должно было соблюсти два условия. Во-первых, оно должно было «явити» убитого или раненого тать вместе с поличным окольным людям «вскоре». Этого, вероятно, не требовалось, если задержание происходило не в одиночку, а со «сторонними людьми». Во-вторых, тать полагалось «привести в приказ и записать». Если в погоне участвовали сторонние люди, они также должны были явиться в приказ для дачи показаний. Самоусуд над задержанным татем «у себя в дому» являлся преступлением, что «еще раз подтверждает прерогативу государственной власти на уголовное судопроизводство» и свидетельствует о понимании законодателем того, что «отражение силы силою до тех пор законно, пока вызывается необходимостью, пока угрожает опасность тому праву, на которое сделано незаконное нападение»¹⁷.

Свое дальнейшее развитие институты необходимой обороны и крайней необходимости как обстоятельства, исключающие преступность деяния, получили в Воинском

артикуле 1715 г. В соответствии с 156 артикулом не являлось преступлением причинение смерти посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите своей жизни¹⁸. Воинский Артикул впервые в русском праве установил пределы необходимой обороны. Причинение вреда посягающему лицу считалось правомерным при соблюдении нескольких условий: 1) обороняющийся не являлся зачинщиком драки, т. е. нападение было произведено его противником: «от убитого нападен и зацеплен был»; 2) обороняющийся не имел возможности иным способом кроме причинения вреда нападавшему защитить свою жизнь (например, скрыться от нападавшего); 3) способ обороны должен был соответствовать характеру и опасности посягательства: применять оружие при обороне можно было только против вооруженного преступника. Вместе с тем, если нападающий без оружия оказывается физически гораздо сильнее обороняющегося, то последний при защите своей жизни имел право использовать оружие; 5) обороняющийся должен пользоваться своим правом обороны только до тех пор, пока ему грозит опасность. Убийство обратившегося в бегство преступника считалось превышением пределов необходимой обороны¹⁹.

В Воинском Артикуле можно выявить признаки крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния. В соответствии с нормой 123 артикула для военнослужащих не являлось преступлением сдача крепости неприятелю по причине невозможности держать оборону: отсутствия продовольствия, снаряжения и недостатка численности личного состава²⁰.

Еще одним обстоятельством, исключающим преступность деяния, являлось причинение военнослужащим вреда другому лицу во исполнение обязательного для него приказа (в данном случае Воинского устава). В соответствии с 44 артикулом часовой, находящийся на боевом посту, имел право стрелять на поражение в постороннего, проникшего на территорию охраняемого объекта и не подчиняющегося командам часового²¹.

Подводя итоги, следует отметить, что с развитием общественных отношений в Рос-

¹⁷ Памятники российского права : в 35 т. Т. III : Памятники права Московского государства : учебно-научное пособие. Кн. III / под общ. ред. Р.А. Хачатурова. М., 2014. С. 313.

¹⁸ Воинский Артикул 1715 г. // Памятники российского права : в 35 т. Т. IV : Памятники права в период единой державы Петра I : учебно-научное пособие / под общ. ред. Р.А. Хачатурова. М., 2014. С. 391.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 386.

²¹ Там же.

сийском государстве изменялось и понимание таких условий, при которых деяние, формально содержащее признаки преступного посягательства, не признавалось таковым.

Вместе с тем в российском законодательстве наблюдается определенная исто-

рическая преемственность в развитии таких институтов, как необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, причинение вреда во исполнение приказа или распоряжения.

Литература

1. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией / Г.М. Барац. Киев, 1910. 278 с.
2. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев. М., 1879. 738 с.
3. Воинский Артикул 1715 г. // Памятники российского права : в 35 т. Т. IV : Памятники права в период единой державы Петра I : учебно-научное пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2014. 584 с.
4. Договор Руси с Византией 911 г. // Памятники российского права : в 35 т. Т. I : Памятники права Древней Руси : учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2013. 528 с.
5. Кобец П.Н. Институт необходимой обороны — один из первых уголовно-правовых институтов // Символ науки. 2015. № 4. С. 158–159.
6. Памятники российского права : в 35 т. Т. III : Памятники права Московского государства : учебно-научное пособие. Кн. III / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2014. 488 с.
7. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева ; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1999. 668 с.
8. Понихин Ю.М. К вопросу о становлении института необходимой обороны в русском уголовном праве / Ю.М. Понихин // Вестник Саратовской государственной академии права. 2012. № 2 (84). С. 14–21.
9. Рожнов А.А. Уголовное право Московского государства (XIV–XVII вв.) : учебно-методическое пособие / А.А. Рожнов. Ульяновск, 2007. 172 с.
10. Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова ; отв. ред. В.Л. Янин. М., 1981. 430 с.
11. Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку) // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Ч. 1 : учебное пособие / сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 246 с.
12. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич ; под ред., предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. 488 с.
13. Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230–1270 гг. // Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодальной раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1953. 442 с.
14. Хачатрян А.В. Ретроспективная юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте / А.В. Хачатрян // Памятники российского права : в 35 т. Т. II : Памятники права удельной Руси : учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2013. 408 с.
15. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия Т. III / Р.Л. Хачатуров. Тольятти, 2004. 433 с.
16. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс ; пер. с нем. И. Платонов. СПб., 1835. 447 с.

Уголовно-правовая кампания по борьбе с хищениями на транспорте в начале 1930-х гг.

*Шкаревский Денис Николаевич,
доцент Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук
shkarden@mail.ru*

В статье на основе ранее не опубликованных архивных материалов рассматриваются проведение и основные итоги уголовно-правовой кампании по борьбе с хищениями на транспорте. Автор приходит к выводу о формировании в СССР специального права, применяемого специальными органами юстиции.

По мнению автора, формирование специальных органов юстиции и специального права связано с переходом к новой экономической модели в начале 1930-х гг. В результате на них были возложены задачи по защите интересов и собственности государства. Автор считает, что данные органы сыграли значительную роль в проведении уголовно-правовых кампаний в 1930-е — начале 1950-х гг.

Ключевые слова: уголовно-правовые кампании в СССР, специальная юстиция, борьба с хищениями на транспорте, «кампанейское правосудие».

Criminal Law Campaign against Transport Embezzlements in the Early 1930s

*Shkarevsky Denis N.,
Assistant Professor of the Surgut State University,
Candidate of Historical Sciences*

In the article, based on previously unpublished archival materials, the conduct and main results of the criminal legal campaign to combat theft of transport are discussed. The author comes to a conclusion about the formation in the USSR of a special law applied by special bodies of justice.

According to the author, the formation of special bodies of justice and special law is connected with the transition to a new economic model in the early 1930s. As a result, they were tasked with protecting the interests and property of the state. The author believes that these bodies played a significant role in the conduct of criminal and legal campaigns in the 1930s and early 1950s.

Key words: criminally-legal campaigns in the USSR, special justice, fight against embezzlement in transport, "Campanian justice".

В 1930 г. в связи с переходом к политике коллективизации и индустриализации руководство страны возродило органы юстиции на железнодорожном транспорте, существовавшие в Советской России еще в первой половине 1920-х гг.¹

Одновременно с воссозданием этих специальных органов создается и специальное законодательство, в том числе для применения данными органами юстиции. Одним из таких нормативных правовых актов являлся Закон от 7 августа 1932 г. В научной литературе в основном рассматривалась практика применения этого закона в связи с хищением (воровством) колхозного и кооперативного имущества.

Однако первая часть закона была посвящена хищениям грузов на железнодорожном и водном транспорте, которые были прирав-

нены к государственному имуществу. Закон обязывал «применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества». К осужденным по делам о хищении грузов на транспорте было запрещено применение амнистии².

Для органов советской юстиции было характерно применение методов и приемов «кампанейского правосудия», «уголовно-правовых кампаний»³. Для органов специ-

¹ Постановление ЦИК СССР № 50, СНК СССР № 667 от 27.11.1930 «О железнодорожных линейных судах» // СЗ СССР. 1930. № 57. Ст. 601.

² Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. 464 с.; Козинцев А.Я. Уголовный процесс

альной юстиции их использование также было характерно. На основании закона 7.8 1932 г. на железнодорожном транспорте в течение 1932–1933 гг. была проведена уголовно-правовая кампания по борьбе с хищениями.

Принятие данного закона для транспортной юстиции было оценено как «чрезвычайно актуальное» в связи с тем, что «в общей массе судебных дел прошедших в 1931 и первой половине 1932 г. через линейные суды, дела о хищении... достигали в отдельные месяцы 40–50 %... Первое полугодие 1932 г. отмечено... развитием хищений железнодорожных грузов. Так, в феврале число хищений по сравнению с январем выросло на 14,2 %, в апреле, по сравнению с мартом на 36,1 %, в июне, по сравнению с маем, на 12,3 %... Таким образом, наблюдалось, странное... явление: наряду с возрастанием судебной репрессии прогрессировал рост хищения грузов».

Причинами этого были названы: недостаточная борьба с этим явлением со стороны органов транспорта (исключительно ТО ОГПУ и судебно-прокурорские органы) и дефекты организации судебной борьбы: дела затягивались в процессе следствия (по дорогам московского узла 40 % дел расследовалось свыше одного месяца), маринировались в судебных органах. Кроме того, отмечалась недостаточность репрессии: по данным о работе линейных судов дорог московского узла 01.01. по 08.08.1932, из 641 осужденных за этот период за хищения грузов 195 (30,4 %) приговорены к принудительным работам; из 392 осужденных к лишению свободы 256 (65 %) приговорены на сроки до 3 лет⁴.

Наблюдалось «увеличение судебных дел в августе, сентябре, октябре и ноябре 1932 г. Так, в августе в транспортную коллегия поступило дел этого рода 57 с количеством осужденных 276; в сентябре число дел возросло до 115 и привлеченных по ним до 693 (а за первое полугодие 1932 г. поступило лишь 210 дел)... сопоставление данных за август и октябрь с... приведенными выше данными за январь и февраль говорит о значительном росте судебных дел о хищениях на транспорте после закона от 7.8. В октябре и ноябре судебные дела по сравнению с сентябрем дают дальнейший рост. Рост судебных дел порождает параллельное паде-

ние кривой хищений в августе (уменьшение в сравнении с июлем на 11,7 %) и в сентябре (уменьшение еще на 10 %) и свидетельствует, несомненно, об активизации борьбы с хищениями»⁵.

Кроме того, отмечался «серьезный сдвиг в смысле ускорения темпов расследования; на некоторых дорогах сроки расследования продолжают, однако, оставаться недопустимо затяжными, и это, разумеется, ослабляет эффективность борьбы с хищениями на этих дорогах». Отмечалось, что «на многих делах лежит печать спешки и непродуманности. Поэтому, например, высок процент прекращения прокурорами возбужденных дел, а также процент оправданных. Так, по данным прокуратуры Юго-Восточной ж.д., в августе 25 % дел о хищениях прекращены прокуратурой за неосновательностью возбуждения». К тому же «среди лиц, привлеченных... по хищениям, совершенным до 7.8.-1932 г., процент оправданных (7,6 %) ниже, чем по делам о преступлениях после 7.8.-1932 г. (10,3 %)»⁶.

К тому же был сделан однозначный вывод о том, что «состояние охраны социалистической собственности на транспорте настоятельно требует дальнейшего усиления темпов и особенно качества работы органов борьбы с преступностью».

Своеобразие хищений железнодорожных грузов видели «в том, что они носят в большинстве организованный характер... По числу участников хищений дела разбиваются таким образом: с участием 1 чел. — 20 % дел, с участием 2–5 чел. — 41,5 %, с участием 6–10 чел. — 24,5 %, с участием свыше 10 чел. — 14 %». Из общего числа осужденных за хищения в момент совершения хищения состояли на службе на ж.-д. транспорте 65,5 %. Из лиц, не связанных с транспортом, составляющих 34,5 % общего состава осужденных, около 32 % — лица без определенных занятий, т. е. деклассированный, профессионально-преступный элемент. По данным прокуратуры московского узла, 01.01. по 01.10.1932 (за хищения) воров-рецидивистов — деклассированного элемента — 27,8 %.

По статистике, свыше 50 % осужденных за хищение железнодорожников составляли выходцы из крестьян и около 4 % — бывшие кулаки, торговцы и выходцы из иных социально-чуждых слоев. Из соответственных данных линсудов московского узла видно, что 33 % общего состава осужденных в мо-

в СССР накануне ВОВ // История государства и права. 2011. № 24. С. 18–22.

⁴ Органы юстиции в борьбе с хищениями транспортных грузов // Советская юстиция. 1933. № 2–3. С. 37.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 38–39.

мент совершения преступления были связаны с сельским хозяйством.

Основной контингент «хищников из среды железнодорожников» составляли работники коммерческой службы, низшие агенты движения, а также служащие Союзтранса, т. е. работники аппаратов, непосредственно связанных с перевозкой и охраной грузов.

Работа комиссий по борьбе с хищениями на транспорте (КБХ) оценивалась неудовлетворительно: «Работа большинства КБХ носила... заседательский характер, чем оперативное руководство по борьбе с хищениями. Предложения и мероприятия, намечаемые на заседаниях комиссий, осуществлялись очень слабо или совсем не проводились в жизнь, а контроль за исполнением отсутствует почти всюду». Кроме этого, указывалось на то, что «претензии разбираются с пропуском всех сроков», а актово-разыскное и претензионное дело оценивалось как «сплошной хаос»⁷.

За 1933 г. за хищения грузов ж.д. линсами было осуждено 9525 чел. Из них к расстрелу — 1096, или 11,5 %, к лишению свободы на 10 лет — 5442 чел., или 57 %, на сроки от 3 лет — 966 чел., или 10,1 %, остальные — к разным другим мерам социальной защиты (принудительные работы, условное осуждение, прочие меры).

По сравнению с 1932 г. (до издания закона от 07.08.1932) резко возросло количество судебных дел и репрессий. Так, если за 1 полугодие 1932 г. рассмотрено было 210 дел, то в 1 полугодии 1933 г. — 1055 дел. До 7 августа 1932 г. меры социальной репрессии за хищение грузов на 80 % составляли: исправительно-трудовые работы и краткие сроки лишения свободы; после 7 августа — высшая мера, 10 лет лишения свободы, лишение свободы от 3 до 10 лет вместе взятые составляют 80 %⁸.

Из 9525 чел., осужденных за хищение общественной собственности транспорта, 5607 чел. (58,9 %) составляют работники железнодорожного транспорта. Из них: низшие агенты движения (кондукторы, смазчики) — 1145 чел., агенты коммерческой эксплуатации (весовщики, таксировщики) — 947 чел., работники ТПО, ОРСов — 834, рабочие депо и заводов — 299, паровозные бригады — 256, работники вагонной службы — 205, служба пути (чернорабочие) — 1026 чел. За создание обстановки, облегчающей хищения, осуждены руководящие работники станций —

251 чел., районов и управлений дорог — 64 чел.

В составе осужденных членов и кандидатов в члены ВКП (б) — 554 чел. (5,8 %), членов ВЛКСМ — 240 чел. (2,2 %).

Однако «несмотря на резкое возрастание судебно-репрессивной борьбы с хищениями грузов, хищения снижаются крайне медленно. В январе 1933 г. — 5479 отправок (весом 684 832 кг), в сентябре 1933 г. — 3725 отправок (весом 220 838 кг)»⁹. «Следовательно, объектом кражи становятся более мелкие отправки»¹⁰.

Причем, по мнению прокуратуры, эти данные были приуменьшены, так как в НКПС ведется двойной учет хищений: оперативный (по случаям выявленных хищений) и по коммерческим актам (по дефектным отправкам с признаками хищений). Расхождение по обоим видам учета весьма велики (по подсчетам прокуратуры разница составляла 1,5–2 раза). На этом основании прокуратура делала вывод о наличии «в учете хищений очковтирательства, с целью приукрашивания действительности». Прокуратурой были «повсеместно обнаружены многочисленные факты фальсификации учета хищений»¹¹.

Наиболее распространенным способом укрытий от учета являлось отнесение прямых хищений к категории недостач и утрат грузов. Утрата, недостача, повреждение и засыпка грузов (коммерческий брак) в большинстве своем маскируют хищение. За 10 мес. 1933 г. неисправные перевозки составляли 120 тыс. тонн разных грузов¹².

Распространенный характер принял брак в перевозках хлебных, нефтяных, скоропортящихся грузов и запасных частей к технике¹³.

Причина неудовлетворительной борьбы с хищениями — отсутствие должного внимания со стороны НКПС, начальников дорог и работников эксплуатации к вопросу качества перевозок. Коммерческая работа на дорогах — заброшенный участок. В борьбу слабо втянуты массы железнодорожников, профсоюзы, политорганы. На многих ж.д. развалились «бригады содействия» военизированной охране, созданные после издания закона 7.8.-1932 г.

Кадры коммерческих работников слабы по своей квалификации и засорены соци-

⁷ Там же. С. 40–41.

⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 21.

⁹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 21 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 24 об.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 22.

¹² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 22 об.

¹³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 23.

ально-чуждым элементом. Текучесть кадров приняла чудовищные размеры. За 1932 г. на Пермской дороге остались не замененными лишь 10 % весовщиков. На ж.д. Московского узла текучесть весовщиков составила от 40 до 106 % за 1933 г.¹⁴

«Материально-бытовое положение весовщиков — неудовлетворительное: зарплата составляет 100–125 руб. в месяц (вместе с премией), т. е. меньше стрелочника. В довоенное время весовщик получал в 2–2,5 раза больше стрелочника. Затрудняет борьбу с хищениями отвратительное состояние товарных дворов, платформ, недостаточность освещения и ограждений. Склады перегружены; значительная часть складов занята под хлеб. Военизированная охрана путей сообщения не справляется с возложенными на нее обязанностями. Контингент стрелковой охраны недостаточен, надлежащей оперативной связи с дорогами у охраны нет.

Прокуратура сформулировала ряд предложений для исправления ситуации: изменить учет о хищениях так, чтобы случаи прямых хищений нельзя было замаскировать; поручить НКПС, Политуправлению и ЦК железнодорожников немедленно заняться делом очистки и подбора кадров коммерческих работников; принять меры к повышению квалификации кадров коммерческих ревизоров и ревизоров по несохранным перевозкам; организовать постоянную работу с бригадами содействия; увеличить ассигнования на освещение и ограждение товарных дворов, пакгаузов. Ликвидировать комиссии по борьбе с хищениями на дорогах (КБХ), так как они «ослабляют ответственность начальников и

доказали свою нежизненность» и возложить ответственность за постановку дела охраны грузов и борьбу с хищениями на начальников станций, начальников районов и зам. начальников железных дорог»¹⁵.

Линейные суды занимались рассмотрением подобных дел и в дальнейшем. К примеру, линсуд Московско-Курской ж.д. с 01.01. по 28.09.1932 рассмотрел 27 дел по закону от 07.08.1932. Отмечалось, что хищения носили организованный характер, причем число участников хищений по отдельным делам доходило до 30 чел., например дело по обвинению С., К. и др. (всего 30 чел). Эта шайка, связавшись с возчиками-частниками, занялась систематической вывозкой целыми возами и грузовиком сена, муки, железа и др. товаров. Одним из методов, облегчающих расхищение грузов, являлось обвешивание получателей на большие количества (десятками мешков), которым специально занималась группа весовщиков Заготзерно¹⁶. Однако каких-либо обобщенных данных о деятельности линсудов по борьбе с хищениями на транспорте на основании закона от 07.08.1932 пока найти не удалось.

Итак, в связи с переходом к новой экономической модели в начале 1930-х гг. возрождаются специальные судебные репрессивные органы. Одна из их задач состояла в защите интересов и собственности государства. В результате наблюдаются формирование специального права, применяемого специальными органами юстиции, и проведение массовых уголовно-правовых кампаний по защите интересов и собственности государства.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 23 об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 24–25 об.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 28–29.

Литература

1. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. М., 2008. 464 с.
2. Козинцев А.Я. Уголовный процесс в СССР накануне ВОВ / А.Я. Козинцев // История государства и права. 2011. № 24. С. 18–22.
3. Органы юстиции в борьбе с хищениями транспортных грузов // Советская юстиция. 1933. № 2–3. С. 37–41.
4. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 199. Л. 21–29.

Юридический позитивизм в научных концепциях К. Бергбома и Г.Ф. Шершеневича

*Петров Александр Васильевич,
профессор кафедры теории государства и права,
конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
petrov_av2012@mail.ru*

*Асташов Дмитрий Сергеевич,
аспирант кафедры теории государства и права,
конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета
dmitriy.sergeevich.astashov@mail.ru*

В статье проводится анализ теоретико-правовых взглядов К. Бергбома и Г.Ф. Шершеневича в сфере юридического позитивизма, раскрывается их отношение к теории естественного права. Выявляются сходства и различия представлений указанных философов права, их влияние на развитие буржуазной политико-правовой идеологии.

Ключевые слова: юридический позитивизм, естественно-правовая теория, право, юснатурализм, закон.

Legal Positivism in Scientific Concepts of K. Bergbom and G.F. Shershenevich

*Petrov Aleksandr V.,
Professor of the Department of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law
of the South Ural State University,
Doctor of Law, Professor*

*Astashov Dmitry S.,
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law,
Constitutional and Administrative Law
of the South Ural State University*

The article analyzes theoretical and legal views Bergboma K. and F. Shershenevich in legal positivism, revealed their relationship to the natural law theory. Identifies similarities and differences of these representations of philosophers of law, their influence on the development of bourgeois political and legal ideology.

Key words: legal positivism, natural law theory, law, jus naturale, law.

На протяжении всей истории развития юридической науки проблема различных типов правопонимания является центром философско-правового дискурса. Сущность права как специфического явления социальной жизни, выраженная в его понятии, определяет построение теории права и юридической науки в целом. Парадигмы юридического позитивизма, равно как и юснатурализма, пронизывают любую теоретическую и практическую деятельность в сфере права и а priori являются ее исходными началами.

Юридический позитивизм необходимо анализировать с учетом его эволюции в контексте всего развития философии права.

Особую роль в этом процессе играют исследования позитивистских взглядов И. Бентама, Дж. Остина, К. Бергбома, Г.Ф. Шершеневича. Сопоставление позитивистских идей двух последних выдающихся ученых, анализ их представлений о праве в целом, роли правовых норм и соотношение различных типов правопонимания позволяют глубже понять истоки юридического позитивизма, выявить его философскую и теоретико-правовую основу, провести глубокий критический анализ позитивистской философии права.

Быстрые темпы развития промышленности, банковской деятельности, сферы торговли и транспорта в странах Западной Евро-

пы во второй половине XIX века обострили конкуренцию между отдельными производителями в итоге концентрации капитала и формирования монополий. Все более обостряется кардинальное идеологическое противостояние между сторонниками феодально-монархического режима и сторонниками буржуазного строя. Однако научно-технический прогресс и высокий материальный уровень жизни могли быть достигнуты лишь при условии солидарности всех социальных слоев общества. Государство было заинтересовано в стабильном развитии, обеспечении порядка, эффективных средствах против нарастающего рабочего движения. Все это могло обеспечить юридический позитивизм, рассматривающий право как факт социальной действительности.

Большинство представителей юридической науки отказались от идеи естественного права, юридический позитивизм выступал против дуализма права и закона, присущего теории естественного права, то есть против представления о существовании рядом с позитивным правом естественного права, более высокого по своему значению, требующего дальнейшего воплощения в законодательстве. Право, по представлению позитивистов, представляло собой совокупность норм, существующих объективно, не требующих обоснования. Норма права рассматривалась позитивистами в качестве раз и навсегда установленной, а единственным источником права признавалась государственная власть, обладающая принудительной силой. Правовая концепция позитивизма отождествляла право с законом, изданным верховной государственной властью. Социальным назначением права представлялось обеспечение социального компромисса.

Задача позитивистской теории права на ранних этапах развития юридического позитивизма виделась в юридико-догматическом анализе основных правовых категорий («аналитическая юриспруденция») либо в изучении социальных интересов и целей социального развития, лежащих в основе тех или иных законодательных решений («юриспруденция интересов»). При этом интересно, что особенности англо-саксонской правовой семьи с ее ведущей ролью юридического прецедента и вспомогательной ролью законов предопределили и специфику сформировавшегося здесь направления юридического позитивизма, которое называют «позитивизмом решений», в отличие от «позитивизма законов», получившего распространение

в странах континентальной Европы, относящихся к романо-германской правовой семье¹.

Один из основателей нового подхода, Дж. Остин, характеризовал право как «агрегат правил, установленных политическим руководителем или сувереном» и подчеркивал: «Всякое право есть команда, приказ»². Право, по Дж. Остину, — относительно определенная совокупность правил. Если, согласно представлениям Бентама, право следует воспринимать как совокупность законов, изданных или одобренных сувереном для регулирования поведения класса лиц, находящихся под его властью, то, согласно идеям Остина, такого суверена можно представить в виде не только лица, но и учреждения, которое формально является сувереном для подвластных в политическом обществе. Источником права, таким образом, является суверенная власть, причем важнейшей гарантией нормального функционирования права и самой суверенной власти выступает привычка большинства к повиновению. В конструкции Дж. Остина суверен предстает воплощением всевластного учреждения, а норма права — нормой властного принуждения, или, говоря словами самого Дж. Остина, «правилом, установленным одним разумным существом, имеющим власть над другим разумным существом, для руководства им». Так, приказ суверена, снабженный санкцией, и есть, по сути дела, правовая норма — норма позитивного закона.

Известно высказывание Г. Гегеля: «Наука положительного права не является подлинной наукой о праве». То есть позитивная наука и подлинная наука о праве решают разные задачи. Цель философии права — «понять право как мысль, а не закон»³. Это не отрицает необходимости понять и закон, но это уже задача позитивной науки о праве, опираясь на которую можно создать кодекс, который не сможет создать философия права. Кроме того, «то, что есть закон, может быть отличным по своему содержанию от того, что есть право в себе»⁴. Проблема лишь в том, какова социальная ценность кодекса, составленного без знаний, составляющих философию

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография. М. : Российская академия правосудия, 2012. С 40.

² Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. L., 1873. P. 89, 98.

³ Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 55–56.

⁴ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль. Т. 1. С. 59.

права, как осознать и преодолеть противоположность «права в себе и для себя» и тем, чему «произвол сообщает силу права»⁵. Бытие права многогранно и включает в себя как минимум несколько видов реальностей, каждая из которых представляет собой особый предмет изучения со своими особенными, адекватными конкретному предмету (отдельной разновидности реальности) методами и технологиями познания и мышления⁶.

Эти идеи Гегеля были продолжены и развиты выдающимися правоведами XIX–XX вв. К основным идеям и положениям юридического позитивизма относятся трактовка права как творения власти, властная принудительность как в конечном счете единственная отличительная особенность права, формально-логический и юридико-догматический методы анализа права, «очищение» права и юриспруденции от «метафизических» положений о природе, причинах, ценностях, сущности права и т. д.

Последователь Дж. Остина, выдающийся немецкий правовед К. Бергбом, считал, что наука должна изучать, а не оценивать или требовать; она должна иметь дело только с реальными предметами и исследовать их методом опыта, а теория права должна заниматься только объективно существующим правом, основанным на правотворческих фактах, то есть законодательной (и в целом правотворческой) деятельности государства.

При этом право, по К. Бергбому, — это всегда действующее право, сама его сущность состоит в том, что оно может оказывать воздействие. Это право может быть несовершенно в сравнении с идеалом, оставаясь тем не менее правом. «Даже самое жалкое позитивное право превзойдет самое великолепное идеальное право подобно тому, как любой калека видит, слышит, действует лучше, чем самая прекрасная статуя, которая глуха, слепа и недвижима. Право, в любом случае, значит только слитые воедино правила жизни; его и идеальное право нельзя объединить: смешение обоих понятий в одно понятие идеального права, как это делает философия естественного права, — невозможно»⁷.

С точки зрения К. Бергбома, правом является лишь то, что функционирует как право,

без какого-либо искажения: «Все право, до последней частицы, является практическим». Он также проводит разграничение между позитивным — практическим — правом, которое существует и действует объективно, и правовой теорией, или «прекрасным теоретическим правом», которое может существовать лишь в мыслях.

Первое, «действуя в определенном смысле посредством людей и по отношению к ним или по крайней мере желая так действовать», всегда требует реализации со стороны всех субъектов права. Второе же, характеризующее себя как только теоретическое, отрицает само себя полностью. Ведь «зачем точить нож, если нечего резать»?⁸ Проблему диалектики теории права и позитивного права остроумно сформулировал Г. Кельзена, о своем учении он писал: «Оно пытается ответить на вопрос, что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться. Оно есть правоведение, но не политика права»⁹.

К. Бергбом вводит понятие «действующее право», определяя его как неоднократно применяемую норму «в частности, а также в характере и принципе». С его точки зрения, характеристика права как «действующего» или «положительного» содержит в себе плеоназм, то есть любое позитивное право является действующим¹⁰.

Интересно, что эта же идея почти теми же словами выражена у российского ученого, внесшего значительный вклад в развитие юридического позитивизма, Г.Ф. Шершеневича: «Найти определение понятия о праве, столь важного для юристов, теоретиков и практиков, — составляет издавна заветную мечту общественной мысли. Не подлежит сомнению, что достижение этой цели стоит в зависимости от правильной постановки задачи. Эта задача заключается в том, чтобы определить понятие о положительном праве. Вниманию исследователя подлежит только то право, которое *действует, но не то право, которое должно действовать* (курсив наш. — **А.П., Д.А.**)»¹¹.

Право, по его оценке, — это «произведение государства», а государственная власть

⁵ Гегель Г. Философия права... С. 250.

⁶ Шапсугов Д.Ю. Соотношение науки позитивного права и подлинной науки о праве: еще одна грань кризиса юридической науки // Проблемы теории государства и права. 2016. № 1. С. 53.

⁷ История политических и правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 611.

⁸ Антология мировой правовой мысли. Т. 3 : Европа, Америка XVII–XX вв. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль, 1999. С. 433–439.

⁹ Цит. по: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. М. : АН СССР ИНИОН, 1987. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910. С. 273.

характеризуется им как «тот начальный факт, из которого исходят, цепляясь друг за друга, нормы права»¹². Он отмечал также, что «юристы изучали право в его фактическом состоянии, не задаваясь мыслью о том, каким оно может быть и должно быть, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы»¹³.

Таким образом, можно сказать, что от того, какой подход к праву — философский или юридический — лежит в основе исследования и соответственно какие методы познания при этом используются, зависят окончательные выводы, к которым приходит исследователь. Философский подход, по мнению Г.Ф. Шершеневича, стремится найти «незыблемое содержание права», и с этой точки зрения отрицается все, «стоящее в противоречии с таким представлением», однако на этом пути «стоит непреодолимое препятствие в постоянной изменчивости содержания норм права». Вот как образно описывает это сам Г.Ф. Шершеневич (интересно, что даже его стиль изложения во многом переключается с яркой образностью К. Бергбома): «На одном берегу пограничной реки самое тяжкое наказание грозит тому, кто будет возбуждать к замене монархического режима республиканским, а на другой стороне такому же наказанию подвергается тот, кто предложит восстановление монархии; распространение идеи о множестве в одной стране представляется не только безнравственным, но и противозаконным, а день езды на пароходе переносит нас в страну, где призыв к отмене многоженства будет встречен как покушение на общественный строй; в средние века, в одной и той же местности, наследство переходило к старшему сыну и тут же наследство передавалось к младшему сыну»¹⁴.

Интересно сопоставить взгляды ученых по вопросу роли и значения правовой нормы. К. Бергбом утверждал, что положительное право предписывает определенные установки поведения субъекта, вне зависимости от сложившейся политической обстановки и иных факторов: «Это — мой закон, здесь считались бы со мной и управляли бы мной, здесь предоставили бы мне права и ограни-

чивали бы меня. Все это и есть положительное право».

К сходным выводам приходит и Г.Ф. Шершеневич, подчеркивая повелительный характер норм права: «Всякая норма права — приказ. Нормы права не предлагают, не советуют, не убеждают, не просят, не учат поступать известным образом, но требуют известного поведения. Приказ может быть выражен в форме повелительного наклонения, но он не перестает быть приказом, если он выражен и в изъявительном наклонении. Приказ может быть выражен как в положительной форме так и в отрицательной. Нормы права или требуют от лиц, к которым обращены, чтобы те совершили действия известного рода (повеления), или же требуют от лиц, к которым обращены, чтобы те воздержались от действий известного рода (запрещения). Иначе, как в виде повеления или запрещения нормы права не могут быть понимаемы»¹⁵.

Искать идеальное право, по К. Бергбому, довольно сложно и, возможно, даже в этом нет никакой необходимости, так как у «положительного права в своей сущности нет пробелов». Даже более того, вследствие противопоставления идеального и положительного права теряется авторитет последнего, так как оно находится в закономерном и логичном соединении с «идеальным понятием права». Таким образом, с точки зрения К. Бергбома, «едва ли можно разделить указанные категории»¹⁶.

Идеальное, должное право не является «сущим» и не существует в реальной действительности. Однако при этом положительное право отражает содержание того идеального, которое «существует как бытие, окружает все действительное и настоящее, регулирует общественные отношения и формирует само государственное устройство»¹⁷.

И вот, что мы видим у Г.Ф. Шершеневича: «Все определения права по его содержанию приводят или к отрицанию действительности, то есть непризнаванию характера права за нормами, которые бесспорно всеми признаются за таковые, или к искусственному подведению действительности под данное содержание, то есть к открытию в нормах права того, что в них не содержится».

¹² Там же. С. 314.

¹³ Там же. С. 252.

¹⁴ Там же. С. 277.

¹⁵ Там же. С. 277.

¹⁶ Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1892. S. 373.

¹⁷ Idid. S. 374.

Позитивные законы рассчитаны на долговременное применение. Как нормы общие и твердые, они не могут изменяться с каждым изменением отношений, для регулирования которых они созданы, а между тем жизнь уходит вперед и требует для себя новых определений. Даже самые лучшие законы редко удовлетворяют всех, разнообразие общественных интересов не может найти для себя полного примирения в законодательстве. Отсюда протесты против положительного права, облачаемые в форму требований естественного права¹⁸.

Эти идеи остаются актуальными и в настоящее время. Как отмечает И.В. Упоров, не следует проводить резкую грань между естественным и позитивным правом — эти понятия взаимодействуют: например, естественное право на жизнь находит закрепление в позитивных нормах (в нормах конституции, где провозглашается это право, в нормах уголовного права, где это право охраняется). В этом контексте можно говорить и о том, что естественное право может быть основой для права позитивного¹⁹. М.И. Байтин полагает, что деление права на естественное и позитивное, «способствовавшее (хотя и со значительной долей условности) познанию права в прошлом, неприемлемо для этой цели в настоящее время». Во-первых, исчезли условия, определившие указанное деление и противостояние естественного и позитивного права. Во-вторых, естественное и позитивное право — неоднородные явления, вследствие чего не могут быть классифицированы на основании общих для того и другого критериев. В-третьих, подобное предложение «абстрагируется от того, что понятием позитивного права, наряду с нормативным, охватываются и иные, не совпадающие по своему содержанию и значению направления правопонимания». В-четвертых, «нынешнее нормативное понимание права исходит из единства естественного и позитивного права, необоснованности попыток перенесения из прошлого на современную почву подхода к правопониманию как спору естествен-

но-правовых и юридико-позитивистских традиций»²⁰.

Напротив, О.Э. Лившиц подчеркивает, что каждый из типов правопонимания имеет свои основания, выражает реальную сторону права и служит его осуществлению. Вместе с тем «связь общетеоретических концепций права с философией права предопределяет невозможность их объединения. Наоборот: каждая из этих концепций — необходимый противовес другим, не дающий впасть в крайность»²¹.

Как писал К. Бергбом, именно действующее, позитивное право обеспечивает порядок, гармонию и безопасность в государстве, создает прочный правопорядок, стоящий над властью, над государством: «Сущность любого права состоит в том, что оно действует». Единственно реальное право лишь то, которое выражено в законе. Норма — альфа и омега права, его начало и конец, за пределами закона нет никакого другого права. Можно не согласиться с категоричностью данного взгляда, однако значение юридического позитивизма для обеспечения законности, а также его роль как фундаментальной научной методологии сегодня не вызывают сомнений.

Появление юридического позитивизма — парадигмы правопонимания, сформировавшейся в XIX–XX вв. и получившей широкое распространение в разных странах мира, обусловлено, по крайней мере, двумя главными причинами: во-первых, стремлением соединения юридических проблем лишь с эмпирической социологией и отказом от широких теоретических обобщений в правовой сфере, во-вторых, утверждением, что юриспруденция сама вырабатывает философию права и не нуждается ни в какой другой философии²². Значимые идеи философии права юридического позитивизма как особого типа правопонимания были высказаны в трудах выдающихся юристов России и Германии К. Бергбома и Г.Ф. Шершеневича, которые, будучи современниками, высказали близкие идеи о роли и значении позитивного права.

¹⁸ Чернов С.Н. Естественное и позитивное право о самоограничении власти // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Государство и право. 2008. № 1. С. 114–117.

¹⁹ Упоров И.В. Виды, содержание и иерархия источников права в контексте естественного и позитивного права // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 40.

²⁰ Байтин М.И. Сущность права // Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М.: Право и государство, 2005. 544 с.

²¹ Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания // Философия права. 2008. № 5. С. 9–16.

²² Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философский позитивизм, юридический позитивизм и теория позитивного права: общее и специфика // Социальная политика и социология. 2009. № 2.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли. Т. 3 : Европа, Америка XVII–XX вв. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль, 1999. 829 с.
2. Байтин М.И. Сущность права / М.И. Байтин // Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М., 2005. 544 с.
3. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель. М. : Мысль, 1990. 524 с.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. М. : Мысль. Т. 1. 452 с.
5. Иконникова Г.И. Философский позитивизм, юридический позитивизм и теория позитивного права: общее и специфика / Г.И. Иконникова, В.П. Иконникова // Социальная политика и социология. 2009. № 2. С. 240–251.
6. История политических и правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп., 2008.
7. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография / В.В. Лапаева. М. : Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
8. Упоров И.В. Виды, содержание и иерархия источников права в контексте естественного и позитивного права / И.В. Упоров // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 39–43.
9. Чернов С.Н. Естественное и позитивное право о самоограничении власти / С.Н. Чернов / Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Государство и право. 2008. № 1. С. 114–117.
10. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. М. : АН СССР ИНИОН, 1987. 195 с.
11. Шапсугов Д.Ю. Соотношение науки позитивного права и подлинной науки о праве: еще одна грань кризиса юридической науки / Д.Ю. Шапсугов // Проблемы теории государства и права. 2016. № 1. С. 5–16.
12. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law / J. Austin. L., 1873. p. 177.
13. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig : Duncker & Humblot, 1892. p. 531.

Система права и система законодательства: понятие, структура, соотношение

Попугаев Юрий Ильич,

профессор кафедры административного права

Московского университета Министерства внутренних дел

Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

support_mosu@mvd.ru

Раскрываются во взаимосвязи понятие, структура и соотношение системы права и системы законодательства.

Ключевые слова: система права, нормы права, отрасли права, система законодательства, соотношение системы права и системы законодательства, явление и форма.

Law System and Legislative System: Notion, Structure, Correlation

Popugaev Yuri I.,

Professor of the Department of Administrative Law

of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

The article reviews the interrelation of notion, structure and correlation of the law system and the legislative system.

Key words: law system, provisions of law, law branches, legislative system, correlation between the law system and the legislative system, phenomenon and form.

Большинство существующих в юридической литературе определений системы пра-

ва сводятся к подчеркиванию элементов внутренней структуры права — норм, ин-

ституты, подотраслей и отраслей¹. Однако наиболее удачными представляются два следующих определения. Т.Н. Радько пишет: «Система права — это исторически складывающаяся, объективно существующая внутренняя структура права, определяемая характером регулируемых общественных отношений, отражающая исторические, национальные и культурные особенности права конкретного государства»². Приведенное ученым определение учитывает исторический фактор в развитии государственно-правовых институтов, а также специфику каждой отдельно взятой национальной правовой культуры.

Второе интересующее нас определение-рассуждение принадлежит С.С.Алексееву. Ученый рассматривает право с точки зрения теории систем как открытую систему, имеющую нормативный характер, находящуюся в сложных системных связях со всем комплексом социальных образований. Понимаемое в широком смысле нормативное регулирование становится важнейшей функцией системы права: «В связи с необходимостью обеспечения нормативных начал в жизни общества и само право предстает в виде нормативной регулирующей системы (в том числе и с точки зрения „нормы“ как естественного, „здорового“, вполне удовлетворительного положения дел в людском сообществе), имеющей глубокие социально-природные основания и уникальное правовое содержание, смысл и назначение которого в полной мере раскрывается в условиях современного правового гражданского общества»³.

Структура системы права имеет объективный характер и обуславливается экономическим базисом общества. Она включает в себя следующие элементы: 1) нормы права; 2) институты права (правовые институты); 3) подотрасли права; 4) отрасли права. Иногда в науке предлагается выделять в качестве

самостоятельного элемента субинституты права⁴. Основанием для такой структуры является напрямую связанное с экономикой многообразие видов общественных отношений, которое, в частности, и служит объективным, лежащим вне права критерием его разделения на перечисленные компоненты.

Норма права — базовая составляющая часть системы права. А.Б. Венгеров дает следующее определение: «Норма права — это общеобязательное правило (веление), установленное или признанное государством, обеспеченное возможностью государственного принуждения, регулирующее общественные отношения»⁵. Правовые нормы регулируют лишь те общественные отношения, которые объективно в этом нуждаются.

Отрасли права считаются центральным элементом системы права. Их принято выделять по двум критериям: по предмету и по методу правового регулирования. Отрасль права — это «совокупность связанных между собой правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения, то есть определенный вид общественных отношений»⁶. Обычно принято разделять отрасли права на три группы: а) базовые; б) специальные; в) комплексные.

В современном российском праве насчитывается семь базовых отраслей: конституционное право, три материальных отрасли — административное, гражданское и уголовное право, три процессуальных отрасли — гражданское процессуальное, административно-процессуальное и уголовно-процессуальное право. Базовые отрасли «отличаются юридической чистотой, яркой контрастностью, юридической несовместимостью по отношению друг к другу, что исключает возможность взаимного субсидиарного применения входящих в данные отрасли норм»⁷.

К специальным отраслям относятся такие отрасли, как трудовое право, земельное право, семейное право, финансовое право, право социального обеспечения. Выделение комплексных отраслей права (космическое, морское, компьютерное, предпринимательское и др. право) вызывает неоднозначные мнения

¹ См., напр.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М. : Спарк, 2004. С. 260; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2003. С. 210; Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права. М. : Эксмо, 2005. С. 445; Сырых В.М. Теория государства и права. М. : Юстицинформ, 2005. С. 240; Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М. : Зерцало-М, 2002. С. 332; Смоленский М.Б. Теория государства и права. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. С. 154.

² Радько Т.Н. Теория государства и права. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004. С. 272.

³ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : НОРМА, 2001. С. 59.

⁴ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : Юристъ, 2003. С. 396.

⁵ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М. : Омега-А, 2005. С. 421.

⁶ Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Теория государства и права : учебник. М.; Ростов н/Д. : Март, 2003. С. 516.

⁷ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 67.

в теории государства и права. Высказывается точка зрения, согласно которой появление подобных нормативных образований свидетельствует о вторичной структуре системы права, включающей в себя комплексы и массивы правовых норм. Здесь «главным является не выделение особых, юридически дифференцированных отраслей права, а, наоборот, интеграция специальных для той или иной сферы деятельности общества (отрасли хозяйства, управления, культуры, образования, здравоохранения и т. п.) разнородных норм права, то есть норм, различных по юридической первоначальной дифференциации права и законодательства»⁸.

Отрасли права включают в себя более мелкие элементы — институты права. Институт права представляет собой «обособленный комплекс правовых норм, являющихся специфической частью отрасли права и регулирующих разнородность определенного вида общественных отношений»⁹. Надо понимать, что если правовая норма — это исходный элемент правовой материи, то правовой институт является «первичной правовой общностью»¹⁰, то есть первым уровнем интеграции элементов правовой материи. Можно привести следующие примеры институтов права: преступление, наказание, уголовная ответственность (уголовное право); правонарушение, административная ответственность (административное право); лица, исковая давность, поручительство (гражданское право); брак, права и обязанности супругов (семейное право).

В крупных и сложных отраслях права существуют подотрасли. Подотрасль права — это «целостное образование в системе права, в состав которого входят несколько институтов той или иной отрасли права, для которых характерна высокая степень специализации входящих в них норм»¹¹. Например, в гражданском праве выделяются следующие подотрасли: обязательственное право, авторское право, наследственное право и др.

Система законодательства традиционно рассматривается как внешняя форма существования правовых норм, основанная на

принципах субординации и координирования своих элементов. В литературе дается следующее определение: «Система законодательства — совокупность нормативно-правовых актов, в которых объективируются внутренние содержательные и структурные характеристики права»¹². Следует добавить, что данная совокупность имеет иерархическое строение. Развернутое разграничение системы права и системы законодательства можно найти у С.С. Алексеева: «От структуры права нужно отличать структуру его источников <...>. Если первое — это объективно существующее деление внутри самого права, в рамках его юридического содержания (внутренней формы), то второе представляет собой состав, соотношение, построение источников, внешней формы права, в том числе нормативных актов, наличие в них подразделений, обособляемых главным образом по предметному и целевому критерию»¹³.

В структуре системы законодательства ведущую роль играет их юридическая сила. В соответствии с этим критерием в Российской Федерации эта система представлена Конституцией, законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Законы могут быть федеральными и законами субъектов РФ. Отдельный тип законов представлен конституционными законами, принятие которых предусмотрено Конституцией. В рамках объективации норм права особую роль играют так называемые законы сводного характера — кодексы. Эти законодательные акты действуют в основных сферах общественной жизни, требующих детальной правовой упорядоченности, и связаны с ведущей формой систематизации текущих нормативных правовых актов, именуемой кодификацией.

Можно заключить, что система права и система законодательства выражают на своем структурном уровне одно и то же явление общественной жизни — право. Однако стороны или ракурсы такого выражения отличаются друг от друга: система права представляет внутреннее измерение этого явления, а система законодательства — внешнее. Их соотношение — одна из наиболее сложных проблем теории права, имеющая практическую значимость.

В отечественной теории права на проблемный аспект соотношения права и за-

⁸ Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : НОРМА, 2008. С. 330.

⁹ Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Указ. соч. С. 517.

¹⁰ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 119.

¹¹ Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Указ. соч. С. 518.

¹² Там же. С. 518.

¹³ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения... С. 69.

конодательства одним из первых указал С.С. Алексеев: «...недопустимо отождествлять, смешивать право и юридический закон (который, по выражению К. Маркса, может быть лишь "законодательством произвола")»¹⁴. Понятно, что две названных системы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, взаимно обнаруживая и проявляя себя. От качества законотворческой процедуры напрямую зависят эффективность действия законов, результативность правовой жизни государства и уровень правопорядка.

По мнению академика В.Н. Кудрявцева, целенаправленное разграничение права и закона ошибочно уже по одним только основаниям такого разграничения. В своей статье «О правопонимании и законности» ученый подчеркивает значимость исторических условий, которые формируют систему права в том или ином государстве и наполняют его законы социально актуальным содержанием: «Неверно выхолащивать социальное содержание из понятия закона, превращать его в пустую формальность и насыщать этим содержанием только понятие права. Еще более неправильно представлять это содержание односторонне — только позитивным, всегда гуманным, справедливым и демократическим. В действительности содержание любой правовой системы обусловлено историческими закономерностями и не является однозначным»¹⁵. Несмотря на то что приведенные тезисы не новы, в теории права порой можно встретить рассуждения о «хорошем естественном праве» и «плохих законах»¹⁶.

Вместе с этим начала распространяться тенденция разделять законы на правовые и неправовые. «Правовой» в таком контексте означает «справедливый», соответственно, «неправовой» — «несправедливый». Выше уже отмечались относительность таких характеристик и спорная объективность оценки качества закона разными субъектами подобной «экспертизы справедливости». Тем не менее обозначенное различие между правом и законом имеет одно крайне важное практическое следствие: оно разрушает закрепившуюся в теории права связь между отраслями права и отраслями зако-

нодательства. Последние обусловлены первыми — такая закономерность в последнее время все чаще ставится под сомнение. А.В. Мицкевич замечает в связи с этим, что «понятие "система права" и у нас, и за рубежом есть не что иное, как доктринальная научная категория, которой должна следовать (но далеко не всегда следует) законотворческая практика и система законодательства»¹⁷. Словно развивая взятое в скобки замечание, белорусский правовед С.Г. Дробязко отстаивает тезис о принципиальном различии между отраслями права и элементами системы законодательства. Согласно его мнению, кодексы никак не связаны с отраслями права и поэтому их количество может быть очень большим¹⁸. Однако представляется, что такое утверждение является несостоятельным. Это же относится и к другим попыткам противопоставить право и закон.

Дело в том, что сам понятийный аппарат теории права свидетельствует об отсутствии разграничения и тем более противопоставления двух рассматриваемых понятий. Можно вспомнить, например, следующие юридические категории: применение права, толкование права, правонарушение, правовая (юридическая) ответственность. Здесь право мыслится как законодательство, ведь правовые нормы полностью или частично материализуются в статьях законов. Противопоставление права и закона не оправдано не только исторически, но и в первую очередь практически, так как «любая попытка практической реализации постулата о правовых и неправовых законах опасна разрушением всего правового пространства, снижением уровня правосознания не только населения, но и работников государственных органов, усилением правового нигилизма»¹⁹.

Заметим, что правосознание напрямую связано и с духовной культурой, поэтому снижение его уровня ведет и к отрицанию проявлений духовности, среди которых особое место занимает и право. Недаром философ и писатель И.А. Ильин отмечал: «Толь-

¹⁴ Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. С.С. Алексеева. М. : Юридическая литература, 1979. С. 240–241.

¹⁵ Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 6.

¹⁶ Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988. С. 7.

¹⁷ Проблемы общей теории права и государства... С. 336–337.

¹⁸ Дробязко С.Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 5. С. 19–20.

¹⁹ Вишневский А.Ф., Кучинский В.А. Право и законодательство — проблемы соотносимости // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 23. Минск : БГУ, 2012. С. 27.

ко человеку, как творцу духовной жизни, доступно нормальное правосознание, только ему дано искать и находить правое право, ибо только ему открыта цель права и его живой источник»²⁰. Законотворческая деятельность, обеспечивающая связь между правом и законом, нуждается, вне всякого сомнения, в таких участниках, которые обладали бы крайне высоким уровнем правосознания. В связи с этим не теряют своей актуальности следующие размышления Д.А. Керимова о правовой культуре: «Совершенствование политической системы, деятельности парламента, исполнительных органов, общественных формирований и тем более правоохранительных органов требует высокой конституционной культуры, строгого следования предписаниям закона. Не менее важное значение правовая культура имеет во всех сферах социальной, духовной жизни»²¹. Правосознание — это существеннейший идеологический элемент правовой культуры.

По всей видимости, наиболее целесообразно рассматривать право как такое социальное явление, которое обладает своей сущностью и ее внешним выражением, то есть явлением. В данном случае названные категории уместно рассмотреть в их философском наполнении. Они отражают соотношения сторон всех важнейших процессов, происходящих в мире. Сущность представляет собой «суть вещи, совокупность ее существенных свойств, субстанциональное ядро самостоятельного существующего сущего»²². Явление же с точки зрения теории познания — выражение, свидетельство наличия чего-то другого. В нашем случае явление — это очевидные процессы, выражающие внешние стороны сущности. Подобные процессы — законотворческие процедуры с их конечным внешним результатом в виде законов, которые производят общественно значимую репрезентацию сущности права. Важно понимать, что сущность и явление при их единстве не совпадают, поскольку сущность всегда пребывает в имманентном состоянии по отношению к явлению. Постигание сущности может занимать очень долгое время.

Соотношение сущности и явления в полной мере проецируется на соотношение права и закона. Исследователи отмечают: «Тысяче-

летиями философы и правоведаы ищут сущность государственного регулирования общественных отношений, осуществляемого посредством различных форм юридического воздействия. Эти поиски на самом деле сводятся к попытке обнаружить идеальные истоки законодательства, которые на самом деле никогда не соответствовали его фактическому содержанию»²³. Еще с античных времен мыслители предлагали рассматривать в качестве сущности права справедливость, наделая ее свойствами главного критерия, которым могли бы руководствоваться творцы законов в своей деятельности.

Ценное замечание в отношении воззрений философов и юристов прошлого делает шведский ученый Э. Аннерс. По-разному трактуемая ими справедливость в любом случае основывалась на по умолчанию разумеющейся эксплуатации рабов, крестьян, на их бесправии и на уничтожении всех инакомыслящих²⁴. Понятно, что право на предыдущих этапах развития человеческой цивилизации отражало волю обладающих властью социальных групп, которые создавали для реализации своих полномочий самые разные политические режимы.

Для более полного понимания соотношения права и закона нельзя не использовать и очевидную аналогию с привлечением других философских категорий — содержания и формы. Содержание, будучи «всеобщей характеристикой ценности, значения какой-либо вещи»²⁵ должно быть упорядочено и выражено вовне. Этому служит форма, которая и трактуется как «внешнее выражение какого-либо содержания»²⁶. В целом форма задает подвижные модификации содержания, обеспечивая его функционирование в различных условиях. Содержание и форма могут вступать друг с другом в противоречие, вследствие чего обычно возникает новая форма.

Содержанием права традиционно считаются правовые нормы. С развитием самого права развиваются и нормы: дифференцируются, модернизируются, образуют подотрасли и институты и т. п. Формой права выступают его источники. С течением времени менялась и приоритетность источников: от правовых обычаев через прецеденты

²⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 83.

²¹ Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М.: Юридическая литература, 1991. С. 19.

²² Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 444.

²³ Вишневский А.Ф., Кучинский В.А. Указ. соч. С. 29.

²⁴ Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1996. С. 153–154.

²⁵ Философский энциклопедический словарь... С. 422.

²⁶ Там же. С. 489.

к нормативным актам. В современном мире ведущей формой права признается законодательство.

Таким образом, соотношение права и закона может быть рассмотрено в герменевтическом ключе, с юридических позиций и с использованием парных философских категорий (сущность — явление; содержание — форма). Юридический подход к проблеме предполагает использование одной из четырех концепций понимания права: юридический нормативизм, социологический позитивизм, теория естественного права и либертарно-юридическая теория. Однако при этом современной преобладающей тенденцией (в большей степени она преобладает в зарубежном правоведении) является тенденция к интеграции перечисленных концеп-

ций и выработке единого понимания права. Под влиянием этой тенденции, а также с учетом использования названных философских категорий противопоставление права и закона теряет смысл.

Действительно, понятия права и законодательства необходимо рассматривать в единстве как две стороны одного и того же юридического процесса — нормативного регулирования общественных отношений государством. Сущность и содержание права определяют модус бытия его явления и формы. Форма права, представленная преимущественно законодательством, придает регулированию общественных отношений определенность и ясность, служащие первостепенными условиями правопорядка и законности.

Литература

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. М. : НОРМА, 2001. 752 с.
2. Алексеев С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. М., 1975. 264 с.
3. Аннерс Э. История европейского права / Э. Аннерс. М. : Наука, 1996. 395 с.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права / А.Б. Венгеров. М. : Омега-Л, 2005. 608 с.
5. Вишневский А.Ф. Право и законодательство — проблемы соотносимости / А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 23. Минск : БГУ, 2012. 351 с.
6. Головистикова А.Н. Теория государства и права / А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев. М. : Эксмо, 2005. 650 с.
7. Дробязко С.Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С.Г. Дробязко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 5. 647 с.
8. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. М. : Рарог, 1993.
9. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества / Д.А. Керимов. М. : Юридическая литература, 1991. 235 с.
10. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. 1994. № 3. С. 3–8.
11. Лазарев В.В. Теория государства и права / В.В. Лазарев, С.В. Липень. М. : Спарк, 2004. 528 с.
12. Любашиц В.Я. Теория государства и права : учебник / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, И.В. Тимошенко, Д.Ю. Шапсугов. М.; Ростов н/Д. : Март, 2003. 656 с.
13. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М. : Зерцало-М, 2002. 528 с.
14. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. С.С. Алексеева. М. : Юридическая литература, 1979. 448 с.
15. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : НОРМА, 2008. 612 с.
16. Радько Т.Н. Теория государства и права / Т.Н. Радько. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004. 576 с.
17. Смоленский М.Б. Теория государства и права / М.Б. Смоленский. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 346 с.
18. Сырых В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. М. : Юстицинформ, 2005. 434 с.
19. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : Юрист, 2003. 672 с.
20. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2004.
21. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. М. : Юрист, 2003. 395 с.
22. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права / В.А. Четвернин. М., 1988. 144 с.

Историография развития сущности и содержания правосознания в отечественной науке

*Кученев Андрей Владимирович,
адъюнкт кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
КиAV64@mail.ru*

Исторический экскурс демонстрирует революционный способ реализации политики преобразования нашего государства, созависимость правового сознания и объективной реальности каждого периода его развития, неоднозначность в понимании и интерпретировании этой дефиниции. Соотношение и трансформация реализуемых правовых норм, общее правопонимание постепенно дополняют дефиницию правосознания.

При рассмотрении общих теоретических вопросов возникновения и развития исторически сложившейся системы нормы поведения в России, массовой культуры выделяются особенности исторического развития правового сознания.

Ключевые слова: естественно-правовой подход, история России, ментальный (социокультурный) подход, правосознание, позитивистский (нормативный) подход, советский период, справедливость.

Historiography of Legal Consciousness Essence and Content Development in National Science

*Kuchenev Andrey V,
Junior Scientific Assistant of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law
of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia*

Historical background demonstrates a revolutionary way to implement the policy transformation of our country, codependency legal consciousness and objective reality of each period of development of the state, the ambiguity in understanding and interpreting this definition. Dependency ratio and implemented legal regulations, general legal thinking is gradually filled with a definition of justice. Referring to the general theoretical questions of origin and development, the historically established system of rules of conduct in Russia, popular culture, particularly stands out the historical development of legal consciousness.

Key words: natural law approach, history of Russia, mental (socio-cultural) approach, legal, positivistic (normative) approach, the Soviet period, justice.

Объективная реальность сегодняшнего дня, характеризующаяся кинетическим состоянием трансформации существования российского общества, перенаправляет вектор правового мышления, устанавливает собственные ориентиры целей, задач, ценностей в обществе. Существующая тенденция актуализирует аспекты изменения содержания и средств осуществления юридической деятельности, тем самым устанавливая необходимость исследования правосознания в общей, частной и единичной сфере.

Как представляется, для наиболее полной характеристики сущности и содержания дефиниции правосознания целесообразно провести историографический анализ такого социального явления.

Дефиниция правосознания, его сущностное содержание по своей структуре и функциональности являются полидисциплинарным вопросом, изучаемым в области гуманитарных и социальных наук, в особенности юридических.

В философском научном подходе, применяя его онтологические, гносеологические, аксиологические формы познания, дефиниция правосознания рассматривается сквозь призму форм общественного сознания. В психологическом аспекте правосознание анализируется как комплекс отображения и чувствования права в человеческой психике. В рамках социологической науки правосознание рассматривается в системе мнений, взглядов, идей, отражающих отношение

личности и социальных общностей к праву. При рассмотрении правосознания в политической науке акцентируется внимание на его гносеологической взаимосвязи с базовыми политико-правовыми понятиями — политической культурой, политическим сознанием, политическим поведением и т. п.

Юридическая наука оставляет несколько векторов оценки правового сознания. Самая общая определяет его в особую категорию общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правозначимые явления и обусловленную правозначимыми ценностями, представлением должного правопорядка¹. Особая часть правосознания определяется его гипервекторным совланием на все сферы государственно-правовой жизни: их взаимоотношения между собой и общественным поведением.

Отечественное правоведение вместило в себя множество трудов. Революционные подходы к развитию нашей страны логически обосновывают различие в их взглядах, актуальных и правильных сообразно состоянию научного знания и правовой реальности каждого периода, актуально дополнение этих знаний или «выведение на новый виток» и сейчас.

Впервые вопрос о правосознании как о самостоятельном предмете исследования в России был поставлен во второй половине XIX в. такими правоведами, как И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, И.В. Михайловский, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич, и др.

Западноевропейские идеи имплементировались и интерпретировались ими в философско-правовой и теоретико-правовой концепции правосознания дореволюционного периода в России. Свойственные российскому менталитету культурно-исторические особенности и социально-политический опыт определяли свои специфические ориентиры в ее разработке. Так, по мнению В.С. Бредневой, в дореволюционный период правосознание в основном рассматривалось в тесной взаимосвязи с национальной культурой, с конкретными историческими фактами². В такой концепции правосознания естественно-правовое правопонимание вы-

ступает в качестве методологической основы ее научного обоснования.

Характерные особенности, присущие российскому дореволюционному правосознанию, и, как следствие, подходы к его пониманию находят свое отражение и в современном отечественном правосознании в нескольких моментах:

Правосознание — это духовная среда, без которой право не может существовать, действовать, развиваться (ценностно-нормативный подход). В доказательство этого довода приведем слова И.А. Ильина: «Правосознание есть тот благородный источник, в котором перерождаются и бесправная сила, и бессильное право: право становится благородною силою, а сила становится силою правоты»³;

Оно относится к религиозной области, то есть его основание следует искать вне собственно правовых норм, в сфере морали и религии (теологический подход). Б.А. Кистяковский указывал, что правовые и нравственные нормы в сознании народа в недостаточной степени дифференцированы и находятся в монолитном состоянии⁴. В свою очередь, Е.Н. Трубецкой замечал, что для истинно верующего (православного) человека «закон — это приказ Божий поступать людям по совести»⁵.

Правосознание изучалось в системе функциональных особенностей (структурно-функциональный и психологический подходы). Так, основоположник психологического направления в российской правовой науке Я.И. Петражицкий в своих трудах делал акцент на соотношении права и психики личности⁶. В нем приоритет отдавался не столько праву, сколько психологии отдельных индивидов (индивидуальному правосознанию), позволяющей, с точки зрения ученого, понять мотивы поведения вообще, а значит, и правового поведения.

Синтезационная теория юридическо-го позитивизма и диалектического матери-

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 468.

² Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность : монография. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. С. 9.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений. М., 1994. Т. 4. С. 229.

⁴ Кистяковский Б.А. Философия и социология права / под ред. Ю.Д. Давыдова, В.В. Сапова. СПб., 1988. С. 133.

⁵ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 216.

⁶ Петражицкий Я.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 608 с. ; Грищенко Н.П. Психологическая теория права Я.И. Петражицкого // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 4–10.

ализма категорий правосознания стала актуальной в советское время. Анализ работ ученых советского периода (С.С. Алексеева, К.Т. Бельского, Е.А. Лукашевой, Е.В. Назаренко, Г.С. Остроумова, И.Ф. Рябко, И.Е. Фарбера и многих других⁷) позволил сделать вывод, что в указанный период развития общества можно выделить следующие три этапа, характеризующиеся разной степенью интенсивности изучения проблемы правосознания: с 1917 г. до середины 30-х гг. XX в.; с середины 30-х до середины 50-х гг. XX в.; с середины 50-х по конец 80-х гг. XX в.

В первые годы советской власти (с 1917 г. до середины 30-х гг. XX в.) проблема правосознания нашла свое отражение в трудах Н.В. Крыленко, Е.Б. Пашуканиса, И.П. Разумовского, М.А. Рейснера, П.И. Стучки и др.⁸, где обозначились по меньшей мере три подхода к пониманию правосознания.

В первом, ценностном, подходе П.И. Стучка отстаивал идею, согласно которой право существует в трех формах, «из которых одна конкретная, а две абстрактные, отвлеченные»⁹. Где правовая форма относится к базису и сливается с экономическими отношениями, а абстрактные формы (правовая культура, правовое сознание) образуют надстройку (диалектический материализм).

Другой — позитивистский (нормативный) — подход был представлен М.А. Рейснером. Он отождествляет право и правосознание, полагая, что право может быть установлено по воле законодателя в зависимости от его правосознания¹⁰.

И, наконец, в третьем — естественно-правовом — подходе, по И.П. Разумовскому, наоборот, право и правосознание не тождественны. Здесь следует сказать, что ученым

недооценивались место и роль правосознания в том смысле, что, отделяя правосознание от права, он считал правом правовую идеологию¹¹.

Следует отметить, что характерной особенностью начала советского периода является то, что существовавшая идеология предусматривала рассмотрение любого явления в призмах классово-социального формационного подхода, и коррелирующем элементом воззрений юристов-теоретиков того периода на правосознание выступало состояние материально-бытовых условий жизни.

В официальных кругах середины 30-х годов XX века доминировала позиция А.Я. Вышинского, согласно которой социалистическое правосознание есть общая система «правовых, философских и политических взглядов»¹², то есть осмысление правосознания с позиции системного подхода.

Несколько другим был взгляд М.С. Строговича, предполагавшего дефиницию правосознания системой правовых взглядов людей, «то есть убеждений относительно правомерности и неправомерности поступков, прав и обязанностей членов данного общества, справедливости или несправедливости тех или иных законов»¹³.

Указанный период характеризуется изучением понятия правосознания преимущественно с формально-юридических, позитивистских позиций, а его сущность и структура определялись исключительно сквозь призму естественно-правовых позиций в рамках марксистско-ленинской идеологии.

Отметим, что вплоть до конца 80-х годов XX века в советской юридической литературе (П.П. Баранов, А.Р. Ратинов, В.А. Чефранов, В.А. Щегорцов и др.¹⁴) правосознание продолжало рассматриваться как классовое

⁷ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.; Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М.: Высшая школа, 1982. 183 с.; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юридическая литература, 1973. 344 с.; Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юридическая литература, 1963. 205 с.

⁸ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. 136 с.; Стучка П.И. Классовое государство и гражданское право. М., 1924. 78 с.

⁹ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / сост. Г.Я. Клява. Рига: Латвийское государственное издательство, 1964. С. 120.

¹⁰ Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.: Госиздат, 1925. 276 с.

¹¹ Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 23.

¹² Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. С. 182.

¹³ Строгович М.С. Избранные труды. Проблема общей теории права: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 120.

¹⁴ Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел: теоретические проблемы. М., 1991. 130 с.; Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы ее исследования // Методология и методы социальной психологии. М., 1977. С. 201–214; Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. Философско-методологический очерк. Киев, 1976. 210 с.; Щегорцов В.А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981. 174 с.

явление (классовый (партийный) подход), было сформировано понятие «правосознание советского общества» — социалистическое правосознание, которое характеризовалось совокупностью правовых идей, взглядов рабочего класса.

В советский период в рамках идеологии марксизма-ленинизма преобладали следующие основные подходы в теории правосознания: классовый, позитивистский, системный. Первый подход был связан с изучением правосознания как «классовой категории», отражающей определенные экономические отношения¹⁵. Второй подход предполагал, что основой правосознания выступает правопонимание, отношение людей к праву¹⁶. В рамках третьего подхода правосознание рассматривалось как совокупность взаимосвязанных структурных элементов, преимущественно правовой психологии и правовой идеологии¹⁷.

Распад СССР, политическая реформа страны начиная с 90-х годов XX столетия и последовавший за ней процесс демократизации российского общества обострили интерес к различным элементам правовой действительности, в том числе к правосознанию.

В списке ученых, изучавших проблемы правосознания, появились новые имена: Р.С. Байниязов, Е.А. Белканов, А.Б. Венгеров, Н.Ю. Евплова, В.П. Малахов, Р.К. Русинов, А.П. Семитко, А.Ф. Черданцев, Н.М. Юрашевич¹⁸ и др.

Оценивая результаты проведенного анализа, отметим следующие выводы.

Сохраняется утвердившееся в советский период рассмотрение правосознания в качестве одной из форм общественного сознания, содержание и развитие которого детерминировано материальными условиями существования общества (диалектико-материалистический подход).

Другой подход — ценностный (ценностно-нормативный) — представляют исследователи (например, С.С. Алексеев, Р.С. Бай-

ниязов, А.Ф. Черданцев и др.¹⁹), которые полагают, что правосознание включает в себя и знание права, и отношение к нему.

С.С. Алексеев указывает, что правосознание — это субъективная сфера, которая характеризует реакцию индивидов на «право»²⁰. Эта реакция может быть либо позитивной, либо негативной. Следовательно, важным компонентом правосознания являются представления людей о том, каким право должно или могло бы быть. При этом ученый подчеркивает, что базовым элементом правосознания является осознание людьми значимости естественного права и одновременно представлений о действующем позитивном праве, о том, насколько оно соответствует естественному праву, то есть правовым ценностям и идеалам.

К третьему подходу — ментальному (социокультурному) — можно отнести исследователей, например, Е.А. Белканова, Н.Ю. Евплову, Л.И. Спиридонова²¹ и др., которые утверждают, что на формирование правосознания оказывают влияние сознательные и бессознательные процессы психики, что в свою очередь выражается в воздействии на мышление совокупного опыта предыдущих поколений, то есть правосознание характеризуется определенной преемственностью. Так, по мнению Н.Ю. Евпловой, правосознание — «совокупность рациональных и чувственных представлений и знаний о существовавших ранее и действующих в настоящее время взглядах на сущность права, правовых нормах, идеях, теориях, доктринах, правовых отношениях и субъектах права, а также представлений о тенденции их дальнейшего развития»²².

Изучение различных взглядов (подходов, концепций) отечественных ученых разных эпох на проблему правосознания позволяет сделать вывод, что правосознание — одно из центральных, ключевых понятий теории права, юриспруденции в целом. В основе правосознания всегда лежит определенное миро-

¹⁵ Келле В., Ковапъзон М. Формы общественного сознания. М., 1959. С. 69.

¹⁶ Богомолов А.С., Гак Г.М., Глезерман Г.Е., Келле В.Ж. и др. Основы марксистско-ленинской философии. 3-е изд. М.: Политиздат, 1974. 544 с.

¹⁷ Фарбер И.Е. Указ. соч. С. 60, 94; Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 124.

¹⁸ Байниязов Р.С. Правовое сознание и правовой менталитет в России: введение в общую теорию: монография. Саратов, 2001. 296 с.; Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 23 с.

¹⁹ Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие. М.: Проспект, 2006. 152 с.; Байниязов Р.С. Указ. соч.

²⁰ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 170.

²¹ Белканов Е.А. Указ. соч. 23 с.; Евплова Н.Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 176 с.; Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник. М.: Гардарика, 1995. С. 173.

²² Евплова Н.Ю. Указ. соч.

воззрение. Вместе с тем правосознание само является мировоззрением. Поэтому в современной юридической и философской науке отмечается тенденция к комбинаторному, то есть комплексному, подходу в изучении правосознания.

На основе проведенного исследования предлагаем в современную дефиницию пра-

восознания включить его аспект как конвергентного элемента социальных отношений, который заключается в выяснении зависимостей, складывающихся в рамках общественных государственных форм, структур гражданского общества, его функций, состояния социальных институтов гражданского общества.

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с.
2. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел: теоретические проблемы / П.П. Баранов. М., 1991. 130 с.
3. Бельский К.Т. Социалистическое правосознание. Диалектика формирования и развития / К.Т. Бельский. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1979. 382 с.
4. Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность : монография / В.С. Бреднева. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. 164 с.
5. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств / А.Я. Вышинский. 3-е изд., доп. М. : Госюриздат, 1950. 308 с.
6. Грищенко Н.П. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого / Н.П. Грищенко // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 4–10.
7. Евпова Н.Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Евпова. Волгоград, 2000. 176 с.
8. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Собрание сочинений. М., 1994. Т. 4. 403 с.
9. Келле В. Формы общественного сознания / В. Келле, М. Ковапзон. М., 1959. 264 с.
10. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. М. : Юридическая литература, 1973. 344 с.
11. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм / Е.Б. Пашуканис. 3-е изд. М. : Издательство Коммунистической академии, 1929. 136 с.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. СПб. : Лань, 2000. 608 с.
13. Разумовский И.П. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса / И.П. Разумовский // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 18–31.
14. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы ее исследования / А.Р. Ратинов // Методология и методы социальной психологии. М., 1977. С. 201–214.
15. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М.А. Рейснер. Л. : Госиздат, 1925. 276 с.
16. Стучка П.И. Классовое государство и гражданское право / П.И. Стучка. М., 1924. 78 с.
17. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / Е.Н. Трубецкой. СПб., 2001. 543 с.
18. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания / И.Е. Фарбер. М. : Юридическая литература, 1963. 205 с.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- б) название статьи с переводом на английский язык;
- в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- е) контактный телефон (для редакции);
- г) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется один бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7